

Светлана
АЛЕШИНА

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александра

Светлана Алешина

Гвоздь программы (сборник)

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Гвоздь программы (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2000 — (Александра)

«...— А можно поинтересоваться, чем занимается ваша фирма? — ответила я на его вопрос вопросом.— Ах, да... Наверное, пора перейти к откровенному разговору... Он встал. Я почувствовала, как мое сердце сжалось. Значит, все-таки это то, что я думала. Сейчас мне предложат сниматься для порнографического журнала или еще какую-то гадость. Конечно, глядя на него, трудно предположить, что этот человек обладает порочным нравом, но сколько уже на моем пути встречалось подлецов с обаятельной внешностью?— Работа у нас, Сашенька, непростая и нестандартная. Я вот не знаю даже, как вам преподнести так, чтобы вы не испугались...»

Содержание

Гвоздь программы	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Алешина

Гвоздь программы (сборник)

Гвоздь программы

Глава 1

«Если тебе не нравится сегодняшний день, Александра, это еще не значит, что ты имеешь право проспаться его».

Голос моего рассудка в очередной раз пытался пробудить во мне совесть. Ненавижу понедельники! Особенно такие, когда солнце палит немилосердно, а тебе надо опять ходить по душному городу в поисках работы.

Ох уж эта работа! Везде, куда я пыталась устроиться, встречали неодобрительно мои манеры, мою внешность и мое жизненное кредо. Не находя абсолютно никакого компромисса, мы легко расставались с предполагаемыми боссами. Их не устраивал мой взгляд на моральные ценности и мой чересчур независимый вид, а меня – необходимость лицемерия. Поскольку относиться к ним лучше, чем они в основе своей того заслуживали, я не могла. Однако жизнь диктовала мне свои условия – существовали мы с мамой на ее крошечную зарплату учительницы, и надо было что-то срочно придумать.

«Сегодня я соглашусь на любое предложение, – решила я. – Даже если от меня потребуют нравственного падения».

Собственно, чего-то подобного я и ожидала. Накануне я обнаружила в газете странное объявление: «Требуется девушка, готовая рисковать, с веселым нравом. Звонить до двух часов ночи».

Далее следовал телефон. Я набрала номер и услышала приятный мужской голос:

– Да?

– Я по объявлению, – сообщила я.

– Что вас интересует?

– Я бы хотела узнать, что у вас за работа.

Он замялся. Я сразу начала подозревать самое страшное и испытала жгучее желание повесить немедленно трубку. Лучше уж торговать газетами, честное слово!

– Давайте встретимся, и я все вам объясню...

– Давайте, – ляпнула я раньше, чем мой рассудок успел этому воспрепятствовать.

Он назначил мне время, я согласилась, и вот сегодня, в понедельник, я должна была подъехать на улицу Немецкую, дом тридцать, дабы встретиться с неким Андреем Юрьевичем Лариковым.

Вывалив на пол содержимое своего платяного шкафа, я задумчиво уставилась на то, что имелось у меня в наличии: джинсы, майки и шорты. Всего одна юбка. Я ее надела, и теперь разглядывала свое отражение в зеркале с недоумением. Юбки почему-то мне не шли – если это не были мини. Поэтому я смотрела на безобразие, явившееся в зеркале, и думала, как можно быть такой уродливой и почему мои обычно стройненькие и длинные ножки сейчас смотрятся толстыми колбасками? И откуда у меня вдруг появилась такая необъятная задница?

Теперь понятно, почему меня не брали на работу!

Уж лучше я явлюсь пред очи Андрея Юрьевича Ларикова неформалкой, чем скромной толстухой, и я вытащила из кучи свои любимые шорты, а все свое богатство запихала в шкаф.

В шортах моя фигура стала нормальной, правда, теперь мне с трудом можно было дать лет шестнадцать.

Ну и ладно, буркнула я. Пусть воспринимает меня такой, какая я есть. И в конце концов, если он собирается предложить мне что-то не совсем приличное, пусть двадцать раз подумает, прежде чем предлагать подобное несовершеннолетней.

Свои непослушные рыжие кудряшки я для более сильного эффекта заплела в две косички и теперь была вполне довольна своим видом.

Можно было отправляться на Немецкую, дабы предстать перед Андреем Юрьевичем Лариковым.

* * *

Я шла по улице, бережно неся пакет, рекламирующий «Ротменс», в котором покоился мой диплом, согласно которому я, Александра Сергеевна Данич, признавалась специалистом по французскому языку и литературе. Точнее – по старофранцузскому. Уж зачем он был мне нужен – до сих пор не пойму. Когда я протягивала этот диплом в оптовой фирме, на меня посмотрели с плохо скрытым ужасом, как будто я им протянула гремучую змею. Никакой гарантии, что мой диплом не произведет такого же отталкивающего впечатления на господина Ларикова, не было. Но на всякий случай я прихватила его с собой – пусть не думают, что я пребываю во тьме непросвещенности.

До Немецкой от моего дома не так уж и далеко, можно добраться пешком. В такую жару городской транспорт меня раздражал.

Дом я нашла быстро и поднялась на третий этаж. Мне показалось немного странным, что Андрей Юрьевич расположился со своим офисом в многоквартирном доме. Я нажала на кнопку звонка и услышала: «Открыто!»

Пожав плечами, толкнула дверь и оказалась в обычной квартире, светлой и просторной, но, увы, пребывающей в состоянии жуткого беспорядка.

– Александра Сергеевна, это вы? – донесся из глубины квартиры веселый голос. – Минуточку обождите, хорошо?

Я кивнула и сказала:

– Не беспокойтесь.

Пройдя в комнату, я села в кресло и начала осматривать помещение.

По стенам высились стеллажи, заполненные книгами. На окне стоял приемник, из которого неслись позывные «Серебряного дождя». «Слава богу, что он любит нормальную музыку», – подумала я.

Он вылетел из соседней комнатки такой взъерошенный, что я не смогла удержаться от улыбки.

Представьте себе длинного, как жираф, молодого человека с огромными печальными глазами. Вот вам и получится Андрей Юрьевич Лариков.

– Простите, что я вас задержал, – сказал он, садясь напротив меня. – Надо было проявить срочно пленку, сейчас придет клиент, а мне приходится все делать одному.

Доверие, возникшее к нему, моментально испарилось. Что за пленки он там проявляет для клиентов? Порнуху, как пить дать... Я нахмурилась и потупила свои глаза. Пусть не думает, что я соглашусь на его непристойные предложения с легкостью.

Он расценил мое замешательство как укоризну и опять принялся извиняться:

– Александра Сергеевна, я понимаю, что вы занятой человек, но...

– Да нет, – призналась я. – Вовсе я ничем серьезным не занята.

– Тогда начнем? – обрадовался он.

– Что начнем? – напряглась я.

– Разговор, – улыбнулся он. – Надо же нам познакомиться, прежде чем мы решим, станем ли вместе работать.

* * *

Я выложила перед ним свой диплом, предчувствуя его разочарование. Сама я при этом испытывала некоторое злорадство – после моих «хождений по мукам» абсолютная непригодность в этой жизни специалиста по старофранцузской литературе стала для меня чем-то вроде креста, который несет на себе страстотерпец. Особенную радость доставляли мне недоумевающие нувориши, которые тщились понять, каким образом можно практически применить мои широкие познания в таком предмете.

Мой визави нисколько не смутился, даже наоборот, взглянул на меня с интересом и спросил:

– И вы, Александра Сергеевна, знаете старофранцузский на «отлично», как здесь записано?

– Да, – кивнула я.

– Удивительно! – обрадовался он, как будто ему был срочно необходим знаток творчества Франсуа Вийона. – Я бы не догадался, что такое юное существо интересуется подобными вещами!

– Так получилось, – хмуро сообщила я.

– А можно поинтересоваться, что еще вы любите кроме старофранцузского языка?

– А можно поинтересоваться, чем занимается ваша фирма? – ответила я на его вопрос вопросом.

– Ах, да... Наверное, пора перейти к откровенному разговору...

Он встал. Я почувствовала, как мое сердце сжалось. Значит, все-таки это то, что я думала. Сейчас мне предложат сниматься для порнографического журнала или еще какую-то гадость. Конечно, глядя на него, трудно предположить, что этот человек обладает порочным нравом, но сколько уже на моем пути встречалось подлецов с обаятельной внешностью?

– Работа у нас, Сашенька, непростая и нестандартная. Я вот не знаю даже, как вам преподнести так, чтобы вы не испугались...

– Да уж преподнесите как-нибудь, – пробормотала я.

– Наверное, ваши знания и не пригодятся, но... Возможно, что именно им вы будете обязаны успехом. Куда больше вам понадобятся быстрые ноги, наблюдательность и умение логически мыслить, но думаю, вы этим не обделены, раз уж разобрались в старофранцузском... Дело в том, Саша, что мне нужен помощник. А именно – человек, который совместит работу секретаря и детектива...

* * *

Я никогда не собиралась быть детективом. Если честно, я даже не читала никогда подобное чтиво – это мама тащится от Чейза и Кристи. Поэтому сейчас я сидела, вылупившись на Ларикова, и пыталась «логически» осмыслить происходящее.

– Но ведь я не юрист, – робко проговорила я.

– Понимаете, Сашенька, мой практический опыт показал мне, что для того, чтобы расследовать преступление, не надо быть юристом. Кроме того, ваши задачи будут довольно скромными – иногда мне может потребоваться помощь в добывании каких-то сведений. И, ради бога, не пугайтесь так – в частные агентства обращаются в основном с семейно-бытовыми проблемами. Будем надеяться, что нам не придется сталкиваться с настоящими преступлениями!

Я судорожно глотнула, пытаясь подавить в себе нехорошее предчувствие, что Лариков жестоко заблуждается и все самые сложные преступления не преминут свалиться именно на наши с ним головы, и собралась отказаться. Я даже уже открыла рот, чтобы поблагодарить его от души и сообщить, что не смогу работать в агентстве, но...

Раньше, чем я успела все это выпалить, я отчего-то улыбнулась и сказала:

– Хорошо. Если моя кандидатура вас устраивает, я согласна...

* * *

Не знаю, что на меня нашло. Я даже не поинтересовалась, сколько буду получать за работу. Я даже не удосужилась уточнить, в чем, собственно, она будет заключаться! Неужели мама права и я – воплощение легкомысленности и неприспособленности к жизни? Как я вообще собираюсь заниматься тем, чем никогда в жизни не занималась?

– Так чем еще вы увлекаетесь? – долетел до моего затуманенного сознания голос Ларикова.

– Мотоциклами. Только я не люблю с ними возиться, я умею на них ездить...

Он удовлетворенно хмыкнул.

– А как насчет средств самообороны?

– У меня первый разряд по фехтованию. Еще я умею стрелять и владею карате.

Про последнее я немного приврала. Мои познания в этой сфере ограничивались одним-двумя ударами, которым обучил меня Пенс. В болевые точки ребром ладони или носком ботинка.

– Сашенька, вы созданы для этой работы! – воскликнул Лариков. – Компьютер знаете?

– Немного.

– Ничего, научитесь... Фотографировать умеете? С видеокамерой знакомы?

Здесь я честно могла признаться, что знакома. И фотографировать тоже умею.

Кажется, я ему понравилась. Он буквально пожирал меня восхищенными глазами.

– Теперь об оплате... Конечно, пока у нас не густо с деньгами. Мы работаем недавно, и наши гонорары невелики. Но – двести в месяц для начала вас устроит?

Я прикинула и поняла, что двести в месяц меня никак не устроит. И с сожалением собралась проститься, но он остановил меня:

– Долларов, Сашенька!

Я остановилась и вытаращилась на него. Подсчитав в уме, что для начала это совсем не плохо, я кивнула головой и сдалась окончательно, когда он добавил:

– Естественно, это без ваших процентов от ведения дела.

Так как с процентами получалось еще больше, чем двести долларов, я начала таять, как мороженое на солнце. Я сейчас была готова согласиться на любую работу – даже на эти его расследования. Бог с ним, как-нибудь выкручусь, в конце концов, надо попробовать, может быть, получится?

* * *

Вот так я устроилась на работу и до сих пор не понимаю, как Лариков распознал во мне детектива. Иногда я спрашиваю его:

– Ларчик, почему ты тогда взял меня?

Он хитро улыбается и, помолчав немного, говорит:

– Ты была такая смешная, что я просто не смог отказать себе в удовольствии наблюдать такую особу ежедневно.

Но это в шутку. А серьезно – он помалкивает, потому что боится, что я зазнаюсь.

Может быть, он прав. Хотя мог бы иногда сделать мне приятное, признав мои безусловные таланты! Но что с них, мужчин, возьмешь?

* * *

Как это ни странно, мое обретение работы никого особенно не обрадовало.

Первым делом я рванулась к своему лучшему другу Пенсу – Сережке Зинченко, который торчал в гараже, пытаясь привести в порядок свою «Судзуки». Последняя поездка отчего-то довела несчастную машину до такого изнеможения, что теперь бедняга Пенс печально разглядывал мотор с таким видом, как смотрят на безнадежно больного.

– Пенс, я устроилась на работу! – сообщила я ему, сияя.

Он меланхолично кивнул, не удостоив меня взглядом, и пробормотал:

– Я рад.

Я прекрасно видела, что радости он не испытывает.

– У тебя проблемы? – озабоченно поинтересовалась я.

– А? – поднял он на меня глаза. – Да нет, Сашка. Все в пределах нормы. Даст бог, выкручусь...

Меня обмануть довольно трудно – я чувствую, когда у человека дела в пределах нормы, а когда он близок к суициду.

– Пенс! – позвала я его опять. – Я же вижу, что тебя одолевают мрачные мысли о бренности существования. Если ты решил искать смысл жизни, то не затрудняйся. И умнее тебя народ головы положил, пытаясь найти ответ на вопрос «быть или не быть?». Лучше поведай старушке Александрине, что за напасти тебя одолели!

Бестолковое предложение! А то я не знаю Пенса – умирать будет, а промолчит. Не любит Пенс на других свои проблемы вешать, и никто его переубедить не может. Даже я – а уж мне-то Пенс верит.

Мы с ним дружим с самого детства. Так уж сложилось, что я его всегда защищала, потому что Пенс моложе меня на три года. Мне двадцать три, а ему двадцать. Сейчас наша разница в возрасте не бросается в глаза, а тогда он был маленький смешной парнишка с грустными глазами, как у олененка Бемби. Я же всегда была дикой и необузданной девицей. Папа называл меня «Валькирией», потому что, когда я неслась по двору с развевающейся гривой рыжих волос, впечатление было как от урагана. Так как воспитана я была на литературе, подобной книге Томаса Мэлори о короле Артуре и его рыцарях, в голове моей вечно гнездились мысли о несправедливо обиженных, коих я призвана была защищать. Дралась я неплохо. А мой бедный Пенсик был мальчиком интеллигентным и совершенно не способным ударить человека. Вот мы с ним и подружились тогда, и я на всю жизнь усвоила, что Пенс для меня как львенок для львицы – не приведи Господь обидеть его.

Так что сейчас Пенс молчал, а я прикидывала в уме, тренируясь для будущей работы, откуда, собственно, могли свалиться на бедную Пенсову голову неприятности. То, что они серьезные, я не сомневалась – Пенс не тот человек, чтобы по пустякам так озадачиваться.

* * *

Я не заметила, как стемнело. Все мои логические рассуждения ни к чему не привели, а завтрашний день должен был стать моим первым рабочим днем.

– Пенс, ты вредный, – наконец возмутилась я. – Неужели ты не хочешь, чтобы я помогла тебе?

– Ты не сможешь, – отрезал он.

– Ну конечно, – усмехнулась я. – Что же у тебя за проблемы такие, что никто их не может решить?

– Проблемы моей собственной глупости, – еле слышно выговорил Пенс и опять надолго замолчал, давая понять мне, что мое дальнейшее вторжение в его жизнь он посчитает бестактным и неуместным.

– Ну ладно, – вздохнула я. – Время уже позднее. Мне пора.

Я встала. Надежда, что Пенс одумается и расскажет мне о своей беде, меня не оставляла, но он только кивнул, не отводя взгляда от «Судзуки».

– Пенс, ты что, прощаешься с ним, что ли? – вскипела я. – В конце концов, завтра я выхожу на работу и бог знает когда смогу к тебе прийти, а ты не отводишь влюбленного взора от своего коняги! Есть у тебя в душе хоть что-то святое?

Пенс рассеянно посмотрел в мою сторону и пожал плечами.

Если бы я тогда была повнимательнее, я бы поняла, что он действительно прощался со своим железным приятелем. Но – увы! Моя голова была занята целиком предстоящей работой, приключениями и подсчетом будущих огромных, по моим понятиям, денег.

Поэтому я обиделась на его невнимание и вышла из гаража.

* * *

Улица встретила меня еще не остывшим от дневной жары воздухом.

Где-то в половине третьего ночи на город все-таки опустится прохлада, но сейчас, к сожалению, темнота еще не обещала облегчения.

Я ненавижу лето. Не знаю, что в нем может быть хорошего – разве что обилие зелени, которая, впрочем, быстро чахнет под немилосердно раскаленными лучами солнца. Последнее время жара в тридцать пять – сорок градусов, увы, стала для наших краев нормальным явлением, и мне неважно находиться летом в «средней полосе». Хочется куда-нибудь в Антарктиду, ей-богу.

Но это кому что нравится. Я люблю осень и весну.

В общем, выйдя на улицу из душного гаража, я не заметила особенной разницы. От асфальта шел жар, и воздух напоминал мне раскаленное пекло.

Возле моего дома примостился пивной ларек, у которого толпились страждущие. Я прошла мимо них, задрала голову, и убедилась, что в наших окнах горит свет, значит, мама дома.

Окна были открыты, мама пыталась впустить свежий воздух, хотя я убеждена, что в нашем городе свежего воздуха так мало, что скоро его начнут продавать унциями или грамами в аптеке.

Впереди маячила возможность принять прохладный душ, и это было самой радостной мыслью.

Поэтому я собрала последние силы и стремглав взлетела на четвертый этаж.

* * *

Тарантул пытался снова подползти к Димке, схватить его своими мохнатыми щупальцами.

– Господи... – прошептала Лиза одними губами. – Господи, защити его!

Тарантул двигался неуверенно, шаткие длинные его ножки топали по маленькому Димкиному телу. Лиза отмахнулась.

Где-то раздавался мерный стук, как будто в соседней комнате рушили стену.

Лизе было так страшно, что холодный, липкий пот начал струиться по ее коже, и она закричала:

– Господи, да огради же нас от этой ужасной твари!

Темный мир завертелся и лопнул, разрываясь на мелкие разноцветные шары.

Она проснулась оттого, что Виктор тряс ее за плечо.

– Лиза, что с тобой? Опять?

Она бессмысленно таращилась в темноту, и, когда поняла, что отныне даже в снах Димка будет приходить только вместе с тарантулом, унесшим его, она заплакала.

Не было в этих слезах облегчения, потому что сердце ее пожирала жажда мести. Где-то под этим жарким солнцем и голубым небом, в мире, где для ее Димки больше нет места, продолжает жить виновник его смерти. Виновник ее мук. Виновник... Он пьет вино, веселится, смеется – а Димкино хрупкое тельце в этот момент подвергается могильному тлению...

Она могла бы справиться с болью, уничтожающей ее. Но с этой яростью, которая не имела выхода, – о, с этим Лизе было не совладать! Не помогали ни увещевания, ни молитвы, ни самовнушение.

Ясно и четко она видела огромного, мохнатого, ядовитого тарантула, уносящего от нее в своих жадных лапах драгоценное тельце ее маленького сына.

Глава 2

Я проснулась от легкого ветерка, коснувшегося моей щеки. День еще не наступил окончательно, в комнате господствовал полумрак. Потянувшись, я с удивлением обнаружила, что спать мне совсем не хочется, напротив – весь мой организм наполнился энергией, а я ощущала небывалый интерес к жизни.

Вскочив, я вылетела на кухню и поставила чайник. Подпевая незатейливой мелодии, льющейся из приемника, умылась и посмотрела на часы.

Была половина шестого утра. На улицах еще царила тишина, утренний воздух был свеж, а поэтому я охотно подставила свое лицо первым лучам солнца.

– Ну, здравствуй, солнышко, – поздоровалась я с ним. – Ты уж сегодня не пеки нещадно мою бедную голову...

– Неужели моя дочь на кухне появилась, – услышала я за спиной голос мамы. – Что заставило мою драгоценную девочку подняться в такую рань?

– Жажда жизни, ма, – улыбнулась я. – Удивительно, не правда ли?

– Да уж, – согласилась она. – Я как-то привыкла к тому, что на тебя жажда жизни нападает не раньше одиннадцати.

– Так я же сегодня иду на работу!

– Господи, Саша, да разве это работа? Ты бы выбрала что-нибудь более для себя подходящее, – продолжила мама вчерашний спор. – Подумай сама – какой из тебя детектив? Этот Лариков просто шарлатан какой-то! Я бы поняла еще – секретаршей. Но – детективом! Тоже мне, Майка Хаммера нашел!

– Я очень скромно и ненавязчиво буду слеживать за изменницами и изменниками. Так что не беспокойся!

– Саша, а вот это безнравственно! – сердито высказалась мама. – Что это за работа – подглядывать? Ты что, филерша?

– Мама, за это платят деньги! А изменять, между прочим, как раз безнравственность и есть! Сама мне это внушала.

– Не нам с тобой судить. Это я тебе тоже внушала!

– Ма, я и не собираюсь устраивать суды с присяжными! Но – кушать-то нам с тобой хочется? Поэтому давай не будем подвергать критике мою новую работу!

Она рассеянно кивнула. Спорить со мной было бесполезно – это она поняла уже давно, поскольку упрямство было моей отличительной чертой. Как и чувство противоречия.

Может быть, поэтому я и люблю Вийона, чьи стихи сотканы из противоречий?

* * *

Телефон надрывался, как больной в припадке истерики.

Пенс посмотрел на часы.

Какой идиот мог звонить в такое время?

«Не обманывай себя, Сереженька, – приторно ласково прошептал внутри его отвратительный голос опасности. – Сам знаешь, кто это».

Он сел на кровати, протянув руку к трубке, и тут же отдернул ее. Укус бывает смертельным, Пенс. Может быть, сделать вид, что тебя дома нет?

Но он знал – это ни к чему не приведет. Они будут звонить все время, пока его не достанут. Они знают, что он здесь, ему некуда деться.

«Ты в мышеловке, мой птенчик, ты в силках, умело расставленных чьей-то недоброй рукой...»

Если бы Пенс мог заткнуть этот голос внутри его, обдающий холодом страха, он бы так и сделал.

Но...

Жизнь надо принимать такой, какая она есть. Даже если она тебе не очень нравится в ее теперешнем обличье.

Сколько раз Пенс думал, что ему поможет самоубийство. Просто возьми в руки лезвие, малыш, а? Сам увидишь, как вместе с кровью уходят твои проблемы!

Но решиться на это не было сил. Он оставлял это на крайний случай. Если не хватит денег, вырученных от продажи «Судзуки», тогда конечно. Тогда он это сделает, но не сейчас.

Он собрался с силами, судорожно вздохнул, поднял трубку и тихо произнес:

– Я слушаю.

– Надо же, он нас слушает!

Голос был омерзительным, а то, что абонент считал смехом, более напоминало Пенсу карканье ворон над его могилой.

– Как с выплатой долга, дружок? Разве ты не знаешь, что счетчик включен?

– Я его еще не видел, он пропал!

– Меня уже не интересует Толстый, дружок, – ехидно пропел голос в трубке. – Толстый почти труп, а вот ты... Последний срок – завтра. Не будет денег – не будет твоей квартиры.

Трубку повесили. Пенс закрыл глаза. Ему хотелось закричать. На пороге возникла мать и обеспокоенно спросила:

– Сережа, что случилось? Кто звонил в такую рань?

Пенс сглотнул комок, появившийся в горле, и пробормотал:

– Ошиблись номером, мама. Всего лишь ошиблись номером...

* * *

Лариков встретил меня у входа в дом. Он стоял и ежеминутно посматривал на часы, что говорило о его крайнем нетерпении.

– Простите, что я опоздала, – подошла я к нему.

Он взглянул на меня и улыбнулся. Улыбка у него была мальчишеская.

– Что вы, Саша! Просто я спешу, а ключ вам вчера передать забыл.

Он протянул мне ключ и уже развернулся, чтобы уйти, но я остановила его вопросом:

– А что мне делать?

– Сегодня? – удивился он, как будто, по его соображениям, сегодня все дела были неуместны. – Ну, отвечайте на звонки. Придумайте что-нибудь, пока я не вернусь, ладно?

С этими словами он умчался вдоль по улице с быстротой болида.

– Да уж... – пробормотала я. – Ничего себе работа – придумай что-нибудь...

Я покачала головой и поднялась на третий этаж. Открыв дверь, я осмотрелась. А ничего и не надо придумывать вам, Александра Сергеевна, весело подумала я. Тут уборки на целый день.

Засучив рукава и найдя у него тряпку и старую, облезлую швабру, я принялась за эти авгиевы конюшни.

По местной радиостанции передавали новости, а я вытирала пыль, разбирала завалы из бумаг, созданные талантливой рукой Ларчика, и думала о том, сколько же надо было потратить усилий для создания такой свалки.

* * *

Каждое утро превращалось для Лидии Владимировны в пытку. Она просыпалась, и сон, ее спасительный сон, приносящий забвение, уходил, оставляя ее один на один с бессмысленным и страшным дневным одиночеством.

Первое время Лидию Владимировну не оставляла надежда, что ее муж вернется. Произошла ошибка, говорила она себе. Просто маленькое недоразумение, не более. Сейчас дверь откроется – и он появится на пороге.

Но со временем это ожидание стало болезненным, разрушающим ее куда более, чем скорбь.

Однажды она проснулась так же, как теперь, и с удивлением обнаружила, что боли больше нет. Она ушла, ушла вместе с мужем, оставив после себя только шрам на сердце. Вместо боли в ее душу вошли ярость и страстное желание отомстить тем, кто так немилосердно разрушил ее жизнь, превратив существование в сплошное чувство вины за тот день, когда ее муж лежал, как брошенный щенок, один. А она, ничего не подозревая, покупала себе платье. Странно, тогда ей безумно понравилось черное платье, и теперь она не снимала его – и поклялась не снимать до того момента, пока виновник не будет повержен точно так же, как он поверг в прах всю ее жизнь.

Питаясь чувством мести, Лидия Владимировна перестала плакать о муже. Потом она позволит себе эту роскошь, когда увидит, как кровь вытекает вместе с жизнью того существа, которое... Нет, не надо об этом пока.

Она еще не знала, как она это сделает. Однажды она попросила своего знакомого, бывшего работника милиции, раздобыть для нее оружие. Он посмотрел на нее и спросил:

– Лида, зачем?

– Чтобы спокойно спать по ночам, – передернула она плечами, радуясь, что в этих словах есть правда.

Когда она сможет отомстить, сон вернется к ней. Спокойный сон. Где ей перестанет сниться Тарантул, уносящий жизнь из тела ее мужа.

А пока она ждала. Терпеливо ждала, зажигая свечу перед фотографией, на которой еще молодой и грустный Игорь смотрел на нее, словно прося оставить его убийцу в покое.

«Тебе не принесет это облегчения», – как бы говорил его взгляд.

– Нет, милый, – грустно улыбалась Лидия Владимировна. – Я не смогу жить, пока его жизнь преисполнена животной радости. Я не смогу жить, пока он не наказан.

* * *

Никто не звонил. А Лариков явно не торопился возвращаться. Наведя идеальный порядок, я сидела, скрестив ноги, задумчиво рассматривая потолок и слушая радио. Сигарета в моих пальцах дымилась, кофе стоял передо мной, и жизнь казалась мне прекрасной.

Можно было сосредоточиться на Вийоне. Моя светлая любовь к этому поэту превосходила рамки разумного. В юности я даже написала стихотворение, выражающее всю глубину моего нежного чувства. Не помню уже его, но конец почему-то сохранился в моей памяти: «Коль ты в аду, дойду до ада – там поцелую наконец».

Засунув беднягу в ад, я, конечно, испытала легкие угрызения совести – с чего бы ему там оказаться? В конце концов, если ему и были свойственны пороки, то все это с лихвой окупалось его мастерством слагать стихи. Так что скорее всего мой возлюбленный поэт прекрасно распевал свои стихи пред лицом Божиим.

По радио музыка сменилась истерическими завываниями восторженной девицы, которая сквозь радостные всхлипы поведала, что завтра в Тарасов, наконец-то, приедет великий Тарантул, и по этому поводу состоится прямой эфир с ним, таким замечательным, таким грандиозным, таким неповторимым. Я усмехнулась. Этого козла я ненавидела. Уж лучше всю жизнь слушать Натали, она хотя бы безвредна. Тарантула, или Александра Кретова, я слушать не могла. Эти его глупые вопли про «Люцифера – нашего князя» наводили меня на грустные размышления, что с возрастом некоторые люди не умнеют, а впадают в маразм. Тарантул, по моему подозрению, пребывал в нем постоянно, так, что стал опасен для окружающих.

Восторженная девица не преминула порадовать мой слух бездарным творением Тарантула, в котором он пригрозил скорой смертью всем евреям. Почему он решил с ними расправиться, для меня осталось загадкой. Впрочем, на месте психотерапевтов я бы уже давно делала его подопытным кроликом для испытания новых психотропных средств. Что-то у парня все-таки с головой не в порядке.

Потом, когда он наконец утихомирился, девица еще раз проворковала, что завтрашний день станет самым великим в жизни нашего города, и заткнулась.

Слава богу, пробурчала я про себя. И вспомнила, что надо бы позвонить Пенсу. Узнать, как у него сегодня настроение. Мои логические рассуждения ни к чему не привели – наверное, я еще недостаточно в этом преуспела. Что за темные силы гнетут моего бедного друга?

Набрав его номер, я долго слушала длинные гудки. Пенса дома не было. Меня это немного удивило. Обычно Пенс приходил домой поздно, спать ложился ближе к утру, и дрых часов до двенадцати. Значит, сейчас он должен быть дома.

Подождав еще, я повесила трубку, и весьма кстати. Потому что дверь хлопнула, и на пороге показался Лариков, изумленно и немного недовольно вытаращившийся на прибранную комнату.

– Что это? – спросил он, облизнув пересохшие губы.

Я почла это за выражение безграничного восторга и скромно улыбнулась.

– Я навела порядок, вы не против?

– Н-нет...

Он присел в кресло и опять окинул комнату печальным взглядом.

– А бумаги? – наконец спросил он. – Вы их выкинули?

Наверное, он принимает меня за идиотку, вздохнула я.

Встав с кресла, я открыла шкаф и показала ему на аккуратно сложенные в папочки драгоценные листочки.

– Вот. Здесь все по номерам.

Он бросился их просматривать так, что мне стоило обидеться. Но я решила сдержаться. Пока.

Наконец он обернулся, и в его глазах сверкнула радость.

– Сашенька, да вы сокровище! – вскричал он.

Слава богу, что ты это признал, подумала я. Потому что мне очень понравилось это место. И я хотела бы остаться здесь надолго.

* * *

Вера поставила свечу, перекрестилась и уже собралась выйти из церкви, как услышала:

– Вера!

Обернувшись, она встретила глазами с отцом Георгием.

– Подожди, – попросил он ее.

Вера вернулась к нему.

– Когда ты придешь на исповедь? – тихо спросил он.

Вера опустила глаза и промолчала.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал отец Георгий. – Предоставь мщение Господу, Вера. Не наше это с тобой право и дело...

Она кивнула.

– Я знаю, батюшка. Не бойтесь за меня.

– Приди завтра на исповедь, хорошо? – попросил он, продолжая смотреть на нее обеспокоенно.

– Я... Пока я не могу, батюшка, – почти прошептала Вера.

Он коснулся ее головы и сказал:

– Благословляю тебя, но не на то, о чем ты мечтаешь каждый день и каждую ночь. Вспомни, Вера, разве в мести находим мы утешение? Грех порождает грех, зло порождает зло... Знаю, что иногда тебе больно дышать, когда ты вспоминаешь про это. Но – девочка моя, укрепись и потерпи во имя Господа. Прочти псалмы – разве нет там ответа?

Она опять машинально кивнула, зная, что он прав. Но в груди ее сжалось сердце. И оно молило об отмщении.

Только так я смогу уничтожить память о Тарантуле, подумала Вера, пристально глядя туда, где среди других заупокойных свечей стояла ее свеча.

За упокой души ее убиенного жениха, с которым они должны были обвенчаться несколько лет назад...

Она тряхнула головой, пытаясь избавиться от головной боли. Последнее время головная боль была такой же непременной спутницей, как и душевная.

А тот, кто тогда стоял, усмехаясь, рассматривая ее, Веру, поверженную, в растерзанной одежде, тот, кто спокойно наслаждался, наслаждается и сейчас.

– «Нет! – донесся до Вериного слуха голос из прошлого. – Не смей ее трогать! Не смей! Не смей!»

– «А что ты мне сделаешь? Ну? Оч-чень интересно...»

Вера снова видела это лицо – уже начинающее полнеть, в жирных складочках прятались маленькие глаза, – а рабы выполняли приказ... Нет, Вера на рабов не злилась. Они и злобы не заслуживали... Они просто участвовали. Как в демонстрации с красными флажками и шариками. Точно так же...

Главный в той компании, которая насильовала ее, вот кто волновал Веру.

А он был жив и здоров, доволен жизнью и – черт его подери – знаменит и богат.

«Прости, Господи, но у меня никак не получается с этим смириться», – прошептала Вера.

* * *

Пенс шел, почти не различая дороги. В глазах его было темно. То, что он сейчас узнал, заставило его сердце бешено колотиться.

Поднявшись по ступенькам, он вошел в подъезд, поднялся на пролет и в недоумении остановился.

Прямо на него из полумрака смотрели две физиономии.

В висок ткнулся ствол револьвера, сразу ударил в нос запах пороха.

– Ну, Пенс? Что там у нас нового с Толстым?

Пенс зажмурился, чтобы не видеть этого парня.

– Оставьте меня в покое, – сказал он, надеясь, что голос у него будет звучать нормально, но горло сдавила холодная рука страха, и поэтому голос получился хриплым.

– Оставим, если подпишешь вот эту бумажку. Что берешь все на себя. И не вздумай орать, я выстрелю. Ты понял, Пенс?

Пенс кивнул. Сейчас он надеялся только на одно – на то, что слезы, притаившиеся в уголках глаз, не прольются. Дрожащими пальцами он взял предложенную ручку и расписался. Прекрасно понимая, что в данный момент, возможно, подписал себе смертный приговор.

– Вот и умница, – насмешливо протянул один из нападавших. – Просто леденцовый мальчик...

Потрепав Пенса по голове, он ласково пропел:

– А револьверчик был незаряженный, детка.

С этими словами он махнул рукой второму, и они стали спускаться с лестницы.

На последней ступеньке он обернулся и сказал:

– Завтра придет Хозяин, сынок. Приготовься к встрече...

Они ушли, оставив Пенса сидеть на ступеньке, ошарашенного и испуганного. Но в последний момент Пенс вскочил, ярость переполнила его.

– Я приготовлюсь, – прошептал Пенс одними губами. – Я хорошо приготовлюсь к встрече Хозяина!

* * *

Мой рабочий день подошел к концу. Назвать его «рабочим» – какое кощунство! За весь этот день никто ни разу не набрал наш номер. Ларикив постоянно куда-то исчезал, потом возвращался ненадолго, прятался в проявочной, что-то искал в компьютере и опять исчезал. Наконец, появившись в очередной раз, посмотрел на меня изумленно и сказал:

– Сашенька, девочка моя! Уже половина восьмого! Вам давно пора домой!

Я поперхнулась, потому что я так и не поняла, зачем я ему вообще нужна.

– Андрей, – начала я. – Я вас не устраиваю?

Он вылутился на меня и переспросил:

– Не устраиваете? С чего вы взяли, Сашенька?

– Дело в том, что за целый день я не получила от вас ни одного задания. Вы взяли меня к себе в качестве уборщицы? Или просто из милости – как специалиста никому не нужного старофранцузского языка?

Кажется, обида все-таки пробралась незаметно в мой голос – он предательски дрожал.

– О боже! – воскликнул Ларикив, схватившись за голову. – Саша, ангел мой, что вы придумываете? Да ничего подобного! Просто пока я не могу вас взять с собой – извините. Да и нужны вы мне именно в офисе, потому что я жду звонка. А насчет вашего комплекса по части старофранцузского языка – почему вы считаете этот предмет таким ненужным?

– Да чем он может пригодиться? – горько усмехнулась я. – У нас что, астральная связь с французами тринадцатого века?

– Нет, Саша. Просто я думаю, что человек, выучивший этот язык, обладает завидным терпением и недюжинным интеллектом. Так что не надо вам комплексовать по поводу своих умственных способностей. Давайте-ка мы завтра с вами обо всем поговорим, а сегодня вы устали.

Он взглянул на меня неожиданно жестко, и я без труда догадалась, что сей приговор обжалованию не подлежит. Впрочем, на душе стало спокойнее – мне нравился мой босс, и, значит, если он ничего не имеет против, мы будем работать вместе.

* * *

«Если бы у меня было столько врагов, сколько у тебя, я бы предпочел покончить с собой». Он снова и снова стрелял по этой мишени.

Ему нравилось видеть, как тонкая бумага рвется под ударами свинца. Ему нравилось вешать новый плакат и наблюдать, как эта самоуверенная улыбка становится натянутой, потом испуганной, а потом исчезает совсем.

Когда к нему приходило успокоение, он садился и долго смотрел на свои руки. Руки, которые уже год принадлежали не ему.

Обычно он был холоден, не испытывая никаких эмоций – работа есть работа. Но теперь его работа совпала с чаяниями его души.

Тот, из-за которого его жизнь превратилась в ад, должен был стать его жертвой.

– Как тебе нравится быть «заказанным»? – усмехнулся он, смотря на фотографию.

Он забыл, как улыбаются. Его лицо пугало окружающих – люди шарахались, встречая взгляд его серых глаз.

– Завтра, – прошептал он.

«Завтра», – ответили ему эхом стены подвала.

Из угла выполз огромный паук, которого он купил в зоомагазине. Временами ему начинало казаться, что он почти привязался к нему, забыв, зачем он когда-то приобрел этого мохнатого уродца.

Но сейчас он взглянул на него, и ему почудилось, что из-под панциря мигнули хорошо знакомые ему маленькие глаза.

– Урод, – пробормотал он.

Протянув руку, он взял паука и поднес его к свету. Лапки паука задергались, он попытался спрятаться, но рука спокойно сжала это трепещущее тело, и паука не стало.

– Завтра, – проговорил человек с холодными серыми глазами.

* * *

По дороге я опять вспомнила про Пенса и решила нанести визит.

Вот такая я ужасная особа! Человек прячется от меня в кокон собственных несчастий, а я пытаюсь растормошить его, вытащив оттуда, дабы показать ему, что все совсем не так уж плохо, как ему в данный момент мерещится.

Пенс жил в четырехэтажном доме, очень уютном и симпатичном. Я поздоровалась с соседкой Пенса, которая сразу налетела на меня со странными рассказами о том, что «Сережка опять куда-то вляпался».

– Представь себе, Сашенька, сегодня его тут пара каких-то отъявленных мерзавцев дожидалась, а потом в воздухе гарью пахло... Будто бумагу жгли.

Тетя Люся выкладывала мне все это торопливо, боясь, что я убегу. Или убежит ее трехлетний внук, которого она держала за руку, периодически прикрикивая на него:

– Витька, сидеть!

Витька сидеть отказывался и орал.

– А он дома? – спросила я.

– Сейчас? – прокричала мне в ответ тетя Люся. – Конечно. С какими-то бандитами пришел. Рожи у них, Саш, хуже не бывает. Да заткнись ты, паршивец, у меня глаза на лоб от твоего крика вылезут. Ты лучше не ходи туда, Сашенька. Я вообще думаю, может, милицию позвать? Галя жалуется, что Сережка сам не свой последнее время.

Галей звали Пенсову мать.

Витька выдал очередную порцию «благотворного мата», который я перекричать была не в состоянии. Поэтому я махнула рукой и пообещала тете Люсе ни в какие истории не вляпываться, а если пришедшие с Пенсом люди действительно покажутся мне бандитами, я немедленно спущусь и мы вдвоем вызовем милицию.

Хотя, на месте милиции, я бы уже давно приехала, поскольку плач неразумного дитяти стал напоминать пожарную сирену.

Поднявшись, я позвонила в Пенсову дверь и услышала осторожные шаги.

– Кто там? – спросил Пенс, выглядывая в открывшуюся щелочку, ненадежно охраняемую цепочкой.

– Это я, юная леди Годива на белоснежном коне. Открывай, Пенс.

– Сейчас, – вздохнул он и уже начал было открывать, но передумал и спросил с надеждой:

– А может, ты попозже зайдешь?

– А может, я вообще к тебе больше не приду, потому что меня немного напрягает, когда мне каждый день указывают на дверь?

– Я не один, – прошептал Пенс, пряча глаза.

– Разврат меня не смущает, – отпаривала я. – Матримониальных планов в отношении тебя у меня тоже нет, не надейся. Поэтому открой дверь, или я ее выломаю с милицией.

Он тяжело вздохнул и открыл дверь.

В нос ударил запах дешевого спиртного.

– О черт! Ты что тут, «арпачаем» решил развлечься? – простонала я.

Он грустно помотал головой, отрицая свою причастность к потреблению гнусного напитка.

Воздух был так насыщен парами алкоголя и табаком, что я возмечтала о противогазе.

– Пенс, что здесь происходит? – спросила я, делая шаг в сторону кухни.

Он попытался преградить мне дорогу, но было уже поздно. Я отодвинула его и оказалась лицом к лицу с двумя пьяными особями мужеского пола омерзительной внешности.

– Да уж, – вздохнула я, разглядывая двух представителей человечества, явно не обремененных муками совести и размышлениями о смысле бытия. – Права была тетя Люся... Что-то очень они на бандитов похожи, с чего бы это, а, Пенс?

* * *

Сначала они на меня отреагировали довольно вяло – по принципу «рыба не мясо, баба не человек». Один, с жалким подобием кудрявой шевелюрки над узеньким лбом, окинул меня похотливым взглядом и хохотнул.

– Что, Серега, подружка твоя? – поинтересовался он, заговорщицки подмигнув.

Я подавила в себе острое желание разбить о его голову тарелку и уселась на табуретку.

«Спокойно, Александрина, не лезь в бутылку, – сказала я себе. – Сначала прикинем ситуацию, а потом решим, какую маску сегодня надеть».

Пенс пробормотал, что я его сестра, что было недалеко от истины, и тогда пара кретинов решила меня поразить в самое сердце. Через пять минут я уже знала, что один, весь в черном, с загадочным лицом, косит под вора в законе, а второй, с шевелюжкой и хитрыми глазами, пытается произвести на Пенса впечатление умного человека со связями в ФСБ, что ему плохо удастся. Пенс сидел абсолютно растерянный и тревожно вращал глазами.

Еще через пять минут я поняла из их бессвязных речей, что Пенса кто-то вроде собирается убить и они согласны взяться за устранение этого страшного человека за двадцать пять кусков.

– Иначе, Серега, нельзя... – Черный «принц» говорил доверительно и авторитетно. – Если они с Толстого денег не возьмут, пришьют тебя. Тем более ты на себя все долги переписал. Так что доставай деньги, плати нам – мы все твои проблемы разрешим.

Я сразу засомневалась, что у них это получится. Глядя на них, у меня создалось впечатление, что их жизнь полна самых навороченных проблем, и это они должны заплатить нам, чтобы мы помогли их решить. Одной из несомненных проблем была их глупость.

Но Пенс что-то не спешил выкинуть их вон, а доверчиво слушал и кивал.

– У меня нет таких денег, – растерянно пробормотал он.

– Достань, Серега, – прогундосил черный, – мы ж добра тебе хотим...

– Сколько нужно? – спросила я, понимая, что желательно от них отвязаться поскорее, пока Пенс не растекся от умиления.

– Я же сказал, двадцать пять... Но сойдемся и на двадцати.

– Я спрошу у одного своего друга, – деловито сказала я, закуривая сигарету. – А вы позвоните завтра. Пойдет?

– А как же Серега ночью, без нас? Вдруг эти, с оружием, явятся?

– Не явятся, – пообещала я. – Я с ним останусь. Буду хранить его как зеницу ока.

Пенс напоминал мне моченое яблоко, а эта пара все не уходила, пытаясь отвоевать прежние позиции.

– Послушайте, – не выдержала я. – Вы денег хотите? Значит, идите отсюда. Завтра я позвоню, оставьте мне телефон. А сейчас Пенсу надо спать. И мне, между прочим, тоже...

Кажется, до них все-таки дошло, что они лишние. Сохраняя достоинство, они попрощались со мной тепло, черный даже попытался меня поцеловать на прощание.

Я закрыла за ними дверь и вернулась в вонючую кухню. Открыв окно, я простонала:

– Господи, Пенс! Почему тебя нельзя оставить даже на минуту? Что это за товарищи по партии? Где ты подобрал эту шваль, в какой помойке?

– Сашка, что ты натворила...

Пенс говорил еле слышно, с ужасом смотря на дверь.

– Выгнала этих алкашей, а что? Тебе они были дороги?

– Сашка, это же... Бандиты! Они же нас убьют!

Он смотрел на меня с таким страхом, что я невольно обернулась на дверь, за которой скрылись два «бандита».

– Эти? – переспросила я. – Да брось, Пенс! Это не бандиты. Это обычные ментовские «шестерки».

– Сашка, нас убьют! – продолжал он как заведенный. – Откуда у тебя друг, способный выложить им двадцать кусков?

– От верблюда, – объяснила я. – Про друга потом, сейчас расскажи, что за история с тобой приключилась?

Но, взглянув на часы, я попросила его немного подождать и позвонила маме.

Сообщив ей, что мне придется сегодня остаться у Пенса на ночь, я вернулась и села напротив.

– Ну? Я внемлю, мой рыцарь!

Он поднял на меня глаза, и все мои приколы исчезли. Потому что Пенс никогда не смотрел раньше ТАК.

То, что с ним сейчас творилось, было непонятно и страшно. Пенса кто-то ломал – и я первый раз видела, как это происходит, когда из нормального человека пытаются сделать дрожащую, рабскую тварь!

Глава 3

Самолет приближал Тарантула к городу его юности. Он смотрел в стекло иллюминатора, пытаясь представить себе свое триумфальное шествие по этой земле, где он из подростка с тонкой шеей и большими ушами, забитого и третируемого одноклассниками, превратился в себя теперешнего.

Его тонкие губы змеились в улыбке. Прикрыв глаза, он позволил себе расслабиться в воспоминаниях.

Когда-то он не был таким всесильным, как сейчас. Когда-то он только набирал по крупицам свое «Я». Именно так – с большой буквы!

Ему вспомнилась мать, которая не позволила ему пойти в музыкальное училище. Тогда она руководила отделом культуры в горкоме – какая чушь, усмехнулся Тарантул. Тогда дети высокопоставленных чиновников шли в медицинский институт. Туда был отправлен и Саша Кретов, еще не ставший Тарантулом.

Если быть честным, его никогда не интересовала медицина, и анестезиология в частности, которой он, по воле матери, посвятил себя. Куда больше его тянула власть над толпой, а такую он мог получить только на сцене.

Он вытер со лба пот – от этой духоты можно было сойти с ума! Голова болела, уши были заложены.

Самолет приближался к Тарасову.

* * *

После бессонной ночи, по заверениям поэта, «слабеет тело». Мое тело точно ослабело – не знаю, как я вообще добрела до работы.

Всю ночь я пыталась выжать из Пенса правду, и вот что мне удалось выяснить.

Все произошло из-за страстного желания Пенса разбогатеть. Дураков, подобных ему, шарлатаны ловят быстро, без особых усилий. Появился некто Толстый – элементарный попрошайка – и предложил ему вложить деньги в минералку. У Пенса своих денег было немного, но, подсчитав несуществующие доходы, Пенс решил, что надо занять. Вот и назанимал на свою голову... Толстый вертелся, как карась на сковородке, обещая, что привезет деньги, на Пенса наехали кредиторы – в общем, весь их бизнес закончился встречей в темном подъезде и налицем странных «защитников», которые мне отчего-то напоминали стервятников, задумавших попользоваться бедственным положением Пенса.

Имени своего главного и самого опасного кредитора Пенс назвать не решился, но я хорошо помнила, как незадолго перед этим Пенс ездил в Москву. Значит, вполне возможно, именно оттуда и поступила часть субсидий.

Надо было позвонить защитничкам, которые уже вождели сладкий момент получения денег и наверняка приняли нас с Пенсом за круглых лохов, радуясь, что им так легко удалось подцепить таких идиотов... Я набрала номер.

Трубку подняли сразу – ждали моего звонка с нетерпением.

– Привет, это Александрина, – сообщила я безмятежно. – В общем, дело обстоит так...

– Он не дал денег, твой знакомый?

– Да нет. Денег он может дать, но... Он сказал, что через неделю вы потребуете еще. Потом еще. И так будет до второго пришествия. Он поставит Пенсу охрану – так что он велел вам дать отбой...

– А кто он такой? – спросил мой абонент, затаив дыхание.

– Какая разница... Какой-то босс, из тех, кто заправляет охраной... На рынке.

Судорожный всхлип на другом конце провода заставил меня усмехнуться.

Я же говорила Пенсу – «шестерки»!

– Чего же ты сразу не сказала, что у тебя такие друзья?

– А вы спрашивали? – поинтересовалась я невинным голосом. – Ладно, пока. Мне некогда.

Я повесила трубку и, мечтательно улыбаясь, посмотрела на свое отражение в зеркале.

– Какая же ты бываешь умница, рыжая! – сообщила я самой себе.

Настроение сразу улучшилось. Хотя я и понимала, что эти люди не главные Пенсовы противники. Они действовали от более слабого кредитора. Во всяком случае, мне так казалось.

Во-первых, этот тип был куда более тривиален в подходах. Во-вторых, он просто пугал Пенса, говоря блатным языком – «брал на понт». Вряд ли Пенс боялся бы так, если бы только этот человек представлял для него угрозу.

Нет, был кто-то еще.

И этот кто-то пока оставался в тени...

* * *

Вера стояла в толпе встречающих и смотрела в небо. Там, едва различимая, приближалась и росла точка...

Вот сейчас произойдет то, к чему ты так долго стремилась, Вера. Ты посмотришь ему в глаза. Что ты там собиралась увидеть? Раскаяние? Страх? Брось, Вера, – Тарантулы не испытывают подобных чувств... Они уже давно перестали быть людьми, превратившись в бесов.

«Грех порождает грех»...

Вера сжала в кармане рукоятку небольшой, но надежной «беретты».

«Не убий».

– Тогда убей его сам, Господи, – усмехнулась Вера.

Сейчас вряд ли кто-нибудь узнал бы ее. Она ничем не выделялась из толпы поклонников – узкие черные джинсы, черные очки и куртка делали ее одной из многих. Одной – из стада!

Недалеко от нее стояли байкеры – их железные звери были готовы торжественно взречься моторами, приветствуя Тарантула.

Когда-то Вера тоже это любила. Но именно из-за мотоциклов разрушена сейчас ее жизнь. Самолет снижался. Сердце Веры, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

* * *

Лидия Владимировна вытерла пот со лба, и только мелкая дрожь в руках выдавала ее волнение.

Чтобы не привлекать к себе внимания, она осталась в стороне, на лавочке. Узкая дамская сигарета дрожала в ее пальцах.

Толпа поклонников была готова взорваться радостным воплем.

Лидия Владимировна усмехнулась. Боже, почему людям так необходима стадность? Что они находят в этом жирном слизьяке, почему они каждый раз поют ему осанну?

Понять этого она не могла.

В голове стучало только: «Вы мешаете мне работать. У меня сейчас операция».

Это был он?

Сколько лет она хранила в своей груди ненависть и жажду мести? Сколько лет она доставала револьвер, разглядывая его, готовясь к шагу, который казался ей необходимым?

Именно теперь ей было это уже не важно. Она не хотела убивать его. Она бы предпочла оставить его в живых и наблюдать, как его массивное тело разлагается при жизни.

* * *

– Лиза?

Он взял ее за руку.

Ее лицо было очень бледным.

– Лиза, может быть, пойдем домой?

Она покачала головой.

– Виктор, мы должны его увидеть!

– Хорошо.

Он пожал плечами. Ему вся эта затея не нравилась. В конце концов, какая глупость – стоять в толпе недоразвитых подростков, ожидая их кумира! Зачем? Чтобы в очередной раз увидеть лицо убийцы их ребенка?

В нем уже не оставалось сил, чтобы сдержаться. Больше всего он боялся, что, подчинившись первому, сильному порыву, он достанет из кармана револьвер, и...

Лиза смотрела на него, не отрывая глаз. Иногда ему казалось, что она читает его мысли.

– Я этого не сделаю, – успокоил он ее.

Она облегченно вздохнула. Потому что сделать это должна была она сама.

* * *

Когда я нахожусь в глубоком раздумье, я иногда начинаю разговаривать сама с собой. В форме диалога истина вырисовывается легче, не так ли? Иногда я воображаю себя разговаривающей с Вийоном. Но сейчас... Сейчас, увы, сей авантюрист мало чем мог мне поспособствовать.

Я сидела, уставившись в одну точку, и пыталась оправдать собственную глупость, которую только что совершила. Почему у меня действие происходит раньше осмысления? Наверное, именно из-за этой дурацкой черты моего характера я вляпываюсь в истории!

«И где же ты найдешь охранничков, Сашка?»

«А нигде, – призналась я самой себе. – Может быть, все обойдется?»

«Типично русская черта – сплошная рок-опера. «Юнона» и «Авось». Придут они проверить, кто охраняет Пенса, – а никого нет. Только разве что ты сама изобразишь из себя «братву». Вот еще и Ларчика возьми. Очень будете эффектно смотреться на пару. Лица у вас, прямо скажем, типичные для такого рода деятельности...»

«Может, мы новая формация, – огрызнулась я. – Бандиты из интеллигенции... Некуда нам податься, вот мы и пошли на большую дорогу. Цены растут, а денег вечно не хватает».

«Ага. Значит, такой вот у нас новый способ. «Простите, нельзя ли ограбить ваш банк?»

«Да мы и не собирались».

– Что не собирались?

Голос был не мой. Я подняла глаза и увидела Ларикова, который стоял, открыв рот и округлив глаза.

– Саша, вы с кем-то разговаривали?

Мамочки, простонала я. Он теперь наверняка подумает, что у меня не все дома, и постарается тактично от меня избавиться! Я уже возомнила себя крутым детективом, а тут все летит к чертям благодаря моей несдержанности!

– Так легче думать, – призналась я.

Он кивнул и сел напротив.

– У вас проблемы, Саша?

Я помотала головой.

– С чего вы взяли?

– Вид у вас немного взъерошенный, – улыбнулся он. – Такое ощущение, что на вас наехали бандиты...

– Нет, это я на них наехала, – сообщила я.

Он, как ни странно, сей беспрецедентный факт наезда на бандитов вполне приличной с виду девицы воспринял спокойно.

– Сашенька, вы кофе варить умеете?

От удивления я открыла рот. Какой же он безмятежный!

– Умею.

– Тогда будьте другом, сварите кофе. А мы с вами потом обсудим вашу проблему и что-нибудь придумаем. Безвыходных положений не бывает.

– Кроме смерти.

– Да бросьте, Саша.

Я отправилась на кухню делать кофе. По радио продолжалась мощная подготовка к скорому явлению на нашей земле Тарантула.

– «И в воздух чепчики бросали», – процедила я сквозь зубы, слушая захлебывающийся от восторга девичий голос. – Добро пожаловать на шабаш!

Кофе начал подниматься, я сняла его и опять поставила на маленький огонь.

Наконец я сочла его готовым и торжественно внесла свой шедевр пред очи моего босса.

Он пристально смотрел в окно с тем странным интересом, как будто там уже появились ангелы или, наоборот, пролетают ведьмы на свою тусовку по случаю приезда Тарантула.

Опять Тарантул! Что мне Гекуба? Сама я на концерт его не пойду и, вообще, надеюсь, меня этот визит не затронет! Однако я все время о нем думаю. Говорят, что раздражение влечет за собой хвори и недуги. Поэтому лучше не раздражаться. Делать вид, что никакого Тарантула нет в природе.

Я поставила перед Лариковым чашку и смиренно села напротив.

– Спасибо, – меланхолично поблагодарил он меня. – Так что у вас там за история приключилась?

– Да ничего особенного, – постаралась я уйти от разговора. Сейчас мне совсем не хотелось обнародовать собственную самоуверенность и глупость.

– Нет уж, Саша. Давайте будем с вами откровенны друг с другом. Вы сейчас, возможно, находитесь в опасности, и я не хочу быть виноватым, если с вами что-то случится. Кто эти люди, на которых вы наехали? Почему вы это сделали? Давайте подумаем вместе, как вам выйти из положения!

Я взглянула ему в глаза. Он оставался спокоен и рассудителен. Завидный характер! Сама я похожа на легко воспламеняющийся бензин – стоит только поднести спичку, и все. Пожар обеспечен.

А Лариков спокоен.

– Ладно, – согласилась я. – Только не говорите, что я ужасная идиотка, – я это и сама знаю.

– Не скажу, – улыбнулся он.

И я начала свой рассказ.

* * *

Дар увлекать слушателя у меня всегда был. Главное – удержаться в рамках приличий и не очень привирать. А уж к фантазиям моя головушка была склонна с самого детства. По принципу – если у нас этого в жизни нет, придумаем. Если вы когда-нибудь смотрели чудесный фильм «Вредный Фред», то вы все поймете. Только в отличие от вредного Фреда, который

по жизни сопровождал героиню фильма, отчаянно мешая ей стать скучной, мой «вредный» приятель из снов и фантазий когда-то существовал реально. Звали его Франсуа Вийон. Не знаю, что привлекло к нему мое юное сердце, но так уж случилось.

Сейчас я пыталась по мере сил сдерживать свою буйную фантазию, дабы не запутать бедного Ларикова. Зачем превращать его жизнь в сплошное недоразумение?

Выслушав меня, он покачал головой, повертел в руках свою чашечку с кофе, рассматривая кофейную гущу с таким видом, будто он профессиональная гадалка, и вдруг расхохотался.

Я вытаращилась на него, поскольку у меня никакого желания веселиться не было.

А Лариков все смеялся, изредка бросая на меня взгляды. – Сашенька, вы прелесть! – сообщил он мне. – Как вы додумались до этого?

Я уже собралась ответить ему, что я и не думала особенно, просто ляпнула первое, что пришло в мою голову. Что у меня вообще всегда так – я сначала сотворю какую-то глупость, а потом обдумываю последствия. Но разочаровывать моего работодателя не хотелось. Я сделала вид, что над данной выходкой пришлось поразмыслить основательно, и скромно сказала:

– А что в этом такого?

– Ох, Саша, вам надо вести психологический семинар на тему: «Как выкручиваться из криминогенной ситуации»! Вы же их просто сделали!

– Я?

От потрясения у меня язык отнялся. Наконец, когда ко мне вернулся дар речи, я спросила:

– Как это – сделала? А если они вздумают проверить? А у Пенса никого нет! Они же нас с ним уничтожат!

– Да бросьте, Саша! Судя по вашему рассказу, это мелкота. Не сделают они вам ничего, хотя проверки будут. Но, мне кажется, всегда можно что-то придумать!

Он хитро улыбнулся.

– А что? – рискнула поинтересоваться я.

– Предоставьте это мне. Думаю, что вас с Пенсом оставят в покое. Если, конечно, за этими бледными лицами нет фигуры позловещее и покрупнее...

Вот этого я и не знала. Пенс со мной откровенничать по-прежнему не собирался. Но я пообещала Ларикову попробовать вытянуть из него всю правду.

Андрей посмотрел на часы и вскочил.

– Ох, черт! Я уже пять минут как должен быть в дороге! Простите, Сашенька, мне пора!

– Андрей, а когда я-то начну работать? – робко поинтересовалась я. Сидение в квартире мне порядком надоело.

– Думаю, скоро. Пока вам придется еще немного побыть секретарем.

С этими категоричными словами он испарился, оставив меня наедине с дурацким, молчаливым телефоном и не менее дурацким радиоприемником, по которому продолжали передавать музыку великого Тарангула.

* * *

Самолет начал снижаться. Человек, сидящий в кресле, прикрыл глаза. Возраст давал себя знать. Конечно, если бы он вел правильный образ жизни... Если бы не эти постоянные разъезды, эта постоянная смена масок! Черт! Как же все это ему надоело!

– Александр Иванович, хотите воды? – Голос бортпроводницы был исполнен неподдельной тревоги. Кретов поморщился. Конечно, нет. Сейчас я хочу, чтобы меня все оставили в покое. Черт бы побрал всю эту канитель. Черт бы побрал это стадо подростков, считающих себя яркими индивидуальностями.

Стадо.

Он помотал головой.

– Вам нехорошо? – не унималась бортпроводница.

– Нет, мне очень хорошо, – подчеркнуто холодно сказал он, – и будет еще лучше, если вы оставите меня в покое!

Бортпроводница что-то пробормотала и испуганно отошла. Кажется, он ее обидел?

Кажется, я вообще обидел все человечество, когда родился. Но мне надоело играть роль вечно молодого кретина.

Но – таков мой имидж.

В парике было нестерпимо жарко.

Но – таков имидж. Не дело видеть своего кумира с лысиной. Если голову повязать банданой, то он вполне выглядит лет на тридцать пять. Если бы не лишние килограммы.

Но в конце концов, он почти привык к корсету. Какой придурок выдумал, что рок-звезды должны быть стройными? Вот Гиллан – выглядит, как пивная бочка, и ничего. Любовь к нему не проходит. А ему надо подстраиваться под чертов имидж!

– Attention, please.

Голос был обворожительным. Но почему даже на внутренних линиях они болтают на английском?

Что-то тебя сегодня все раздражает, усмехнулся он про себя. Наверное, застарелая язва дает себя знать. Просто исходишь желчью...

– Пристегните ремни...

Слава богу, это они сказали по-русски. Он посмотрел в окно. Там уже были видны маленькие домишки. Маленькие, как игрушечные.

Он не смог сдержать довольную улыбку. Именно за это он любил самолеты.

За минутную возможность посмотреть на мир глазами бога. С легким презрением к тем, кто населяет этот мир.

– Какие же вы мелкие, – презрительно скривил он губы.

Самолет шел на посадку. Уши заложило, в голове было пусто, да еще и духота!

«Скоро все это закончится», – сказал он себе, подчиняясь ритму своего организма.

Скоро он сможет уединиться в номере, снять чертов парик и выпить таблетку, понижающую давление.

Пять минут принадлежать себе – это много или мало?

Ответа на этот вопрос он найти не смог. В конце концов, это просто своеобразная плата за возможность хоть иногда чувствовать себя богом.

* * *

Объявление о том, что самолет, следующий рейсом Москва – Тарасов, приземлился, заставило толпу подростков ринуться туда.

Они неслись, стараясь занять места в первом ряду. Чтобы он увидел именно их обожающие глаза.

Вера смотрела на это с легким недоумением, не понимая: почему это, зачем это?

Она осталась стоять там же, где была. За деревом, скрывающим ее.

Ее знобило, несмотря на то что день был жаркий. Нервное, подумала она, пытаюсь выдавить из себя улыбку. В кармане холодным напоминанием о прошлом лежал револьвер.

Вера прекрасно поняла, что сейчас она его убить не сможет. На глазах у всех? Нет, нужно дожидаться более подходящего момента...

Времени вот только у нас с тобой в обрез, сказала она себе.

Толпа двигалась уже обратно. Она почти скрывала Тарантула, но Вере было прекрасно видно его бледное лицо с тяжелыми мешками под небольшими глазами навывкате. На какое-то

мгновение ей почудилось, что она увидела даже волоски, растущие из ноздрей. Его крупный нос и толстые пальцы. Волна ненависти накатилась на нее, Вера закрыла глаза, почувствовав, что начинает дрожать.

«Еще немного – и я не смогу себя контролировать...»

Отряд байкеров приветствовал Тарантула ревом гудков. Они стояли, слегка наклонив головы. Армия перед королем. Он подошел к ним и приветственно поднял руку.

– Фарс, дешевка, – услышала Вера женский голос и обернулась в изумлении.

За спиной стояла пожилая женщина.

Присмотревшись, Вера застыла.

В глазах женщины, направленных прямо на Тарантула, было столько ненависти, что Вера поразилась.

Значит, его ненавижу не только я, подумала она.

Тарантул фотографировался с толпой поклонников. Ему было абсолютно наплевать на двух женщин, стоящих в тени деревьев и смотрящих на него так, что, если бы он встретился с ними глазами, испугался бы.

* * *

К двум часам дня я поняла, что жара меня побеждает. Заботливый Лариков, правда, затарил полхолодильника водой, и я регулярно похищала оттуда то «Фанту», то минералку, дабы не превратиться в сонную муху.

От нечего делать я в очередной раз навела порядок, прочла старый журнал «ТВ-парк» и разгадала пару кроссвордов.

Лариков все еще не вернулся. Я начала терять терпение. Кажется, меня принимали на работу, а я провожу время в праздности, которая меня уже утомляет!

Настроение у меня резко испортилось. Поэтому, когда по радио зазвучал голос Тарантула, я выругалась.

– Вот тебя мне только и не хватало!

Однако, поразмыслив, что лучший способ избавления от дурной энергии ее целенаправленный выброс, а лучшей цели, чем Тарантул, мне не найти, я сложила на груди руки и мрачно пообещала, что Тарантулу не поздоровится.

Поставив телефон на автонабор, я слушала, как девица-ведущая восторгается самобытностью Тарантула, а Тарантул несет ужасную чушь, рассказывая, как он стал сатанистом, и так далее. Потом он начал крестовый поход на «инородцев и иноверцев», что уж совсем для меня было неясно – кого он имеет в виду?

Это был первый вопрос, который я ему задала.

Поскольку мой «автодозвон» сработал.

Он что-то начал мне снисходительно объяснять про расплодившуюся нечисть, но я прервала его новым вопросом:

– Простите, я не поняла. Вы же исповедуете сатанизм. Можно ли считать, например, согласно вашему мировоззрению, которое я нахожу несколько странным, иноверцами православных?

Он попытался найти мостик, позволивший бы ему вывернуться из щекотливой ситуации, но не смог. Помогла ему девица – просто сбросила мой звонок.

– Зараза, – сказала я. И опять поставила свой телефон на автодозвон.

Пока он пробивался к цели, я успела наслушаться столько гадостей, что, когда телефон соединил меня с ним снова, спросила:

– Слушай, ты правда идиот или у тебя имидж такой?

Девушка заорала, что я веду себя неинтеллигентно, я попробовала возразить, что еще ни разу, в отличие от Тарантула, не употребила нецензурного выражения, но меня уже вырубили.

Да и передача подошла к концу, так и не дав мне ответа, имею ли я дело с кретином или Тарантул просто закоренелая сволочь, которую непонятно как земля носит.

Закончил он, во всяком случае, странной тирадой про то, что надо поубивать всех евреев, после чего всем нам заняться здоровым и нездоровым сексом, и каждая женщина-«арийка» обязана родить пятерых детей.

В эфире зазвучала песня, в очередной раз воспевающая Люцифера, и это было последней неприятностью, случившейся со мной за текущие сутки.

* * *

Тарантул прикрыл глаза. Он дьявольски устал. Перелет утомил его.

– Вас. По личному вопросу.

Он посмотрел на протянутую ему телефонную трубку.

– Меня? – удивленно переспросил он у ведущей. – Кто?

– Не знаю. Женщина какая-то.

Он усмехнулся. Конечно, если по личному вопросу...

Взяв трубку, он услышал:

– Здравствуйте, Александр. Давно не виделись, не так ли?

Тарантул вздрогнул. Голос этот он знал неплохо. Как тень из прошлого, возникла перед ним стройная женская фигура.

– Здравствуйте, – выдавил он из себя. – Кто это?

В ответ тихо рассмеялись. В другое время Тарантул назвал бы этот смех серебристым, но не сейчас. Сейчас он назвал бы этот смех злым. Издевательским. Угрожающим.

– Я буду ждать вас в номере, – сообщила абонентка. – Я буду вас ждать с нетерпением...

После этого трубку повесили. Тарантул судорожно сжал трубку и выдохнул:

– О черт!

– Вам плохо? – участливо спросила ведущая.

– Нет, – покачал он головой. – Нет... Хотя, может быть, плохо...

«Но не в том смысле, в котором вы думаете, – хотелось добавить ему. – Тени прошлого возникают из самого ада и тянутся к тебе руками. Тени прошлого, девочка, как наши грехи, стремятся задушить тебя, и ты не знаешь, куда от них убежать!»

Он поднялся и поцеловал ей руку.

– Надеюсь, мы еще увидимся, – многообещающе улыбнулась она. Он окинул ее оценивающим взглядом и кивнул:

– Я бы хотел на это надеяться...

С этими словами он быстро вышел на улицу.

Перед тем как сесть в ожидающую его машину, он огляделся.

Они все еще стояли, с восторженными лицами, полными ожидания и любви. «Сейчас они готовы восклицать мне осанну, а завтра – распнут...» – усмехнулся он. Впрочем, даже это он был склонен расценивать как свидетельство собственного величия.

Неожиданно его обдало холодной волной. Чей-то взгляд... Кто-то смотрел ему в спину. Кто-то пытался уничтожить его взглядом, полным ненависти.

Он обернулся.

Все в порядке, просто расшатались нервы. Никого, только толпа обожателей. Ни...

Опять. Он был уверен, что там, в этой «кожаной» толпе, стоит человек со смертью в глазах. Его, Тарантуловой, смертью.

Листок с дерева, кружась, упал на его рукав. Он уже собрался стряхнуть его, но маленькая точка привлекла его внимание.

На листе был мертвый паук.

«Дурацкая шутка, – подумал он, вытирая со лба холодный пот. – Всего лишь дурацкая шутка».

Однако он поднял глаза, пытаясь увидеть кого-то – кого? – там, в кроне дерева. Конечно, там никого не было.

Попытавшись снова прогнать наваждение, он влез в машину. Кресло застонало под тяжестью его тела.

После звонка этой женщины он уже готов нести чушь.

После этого чертова звонка его жизнь превращается в ад.

Впрочем, не была ли она адом до этого?

Иногда Тарантула мучило сознание того, что он ошибся. Выбрал не то направление пути.

Сначала в нем жила только жестокость молодости и стремление к власти. Он не знал, как этого достичь, поэтому воспоминания прошлого сейчас становились мучительными. Слишком много было там черных пятен, от которых хотелось спрятаться.

Власть пришла тогда, когда он разорвал путы, заботливо наложенные на него матерью. Когда он плюнул на приличную дорогу медика и стал тем, кем он является сейчас. Рок-звездой.

Власть сначала была полной. Зал делал то, чего он ждал. Публика была готова распластаться ниц и дать ему пройти по собственным телам.

Вот тут и оказалось, что кайф от этого исчезает быстрее, чем ты его ждешь. Но исправить уже ничего нельзя. Совершенное тобой – сделано. То, что представлялось тебе умным и правильным, на деле было подлым и отвратительным.

Даже продолжать разыгрывать из себя сатаниста ему надоело. Он, если честно, никогда и не верил в Люцифера. Это тоже была игра, хотя поначалу...

Он вздохнул. Поначалу эта игра приносила ему удовлетворение. И бессмысленно, глупо и нечестно отрицать это.

Машина остановилась перед гостиницей. Он вышел. За его спиной все еще маячил эскорт «Ангелов Ада». Надо же, какое у них название. Он усмехнулся. Пришельцы из преисподней...

Обернувшись, он окинул их бесстрастные лица так же холодно, как смотрели они.

Махнув рукой, он сделал шаг на ступеньку.

Хлопок прозвучал внезапно. Он почувствовал резкую боль, потом все потемнело.

Ему казалось, что он проваливается в канализационный люк.

Крик взорвал улицу.

Массивное тело Тарантула медленно сползло на ступеньки гостиницы.

Глава 4

Пенса дома не было – с таким же успехом можно было пытаться дозвониться до небес. Трубку никто не брал.

Я вздохнула. Торчит в гараже, и ему все до лампочки... Если только враги не прорвались к нему... Впрочем, Лариков уверил меня, что эти люди вряд ли способны на крутые деяния. По его теории, они относятся к разряду патологических трусов, а из этого следует, что рисковать они не станут.

Это на нас с Пенсом наводит ужас и панику – пожалуйста. А с придуманным мной «Фредом» ничего не получится. Они же не знают, что он придуманный. Пока, по крайней мере.

Жажда деятельности меня распирала. Так хотелось продолжить мои военные действия против этого осинового гнезда – просто руки чесались.

Я посмотрела на часы. До прихода Ларикова оставалось около двух часов.

Значит, мне придется смириться с собственным бездействием.

В это время в дверь позвонили.

Я открыла и увидела на пороге весьма странную личность. В немецкой каске поверх банданы, он производил впечатление карнавального шута. Огромные сапоги – как бедолага передвигается в них в этакую жарю? В общем, личность просто неповторимая. «Ту-ту-ту, – протрубила внутри меня опасность. – В наш замок вошли враги...» Я эту самую личность знала немного, поэтому мы остановились друг перед другом, изумленно тараща глаза. Ни он меня, ни я его не жаждали увидеть, это уж точно.

– А... – открыл он свой щербатый рот, рассматривая меня с интересом. – Что это ты делаешь тут?

Конечно, я могла бы объяснить свое присутствие в этом тихом оазисе любыми причинами, но в поведении моего давнего недруга, по имени Володя и по кличке Кайзер, было что-то ненормальное. Для начала – вся его самоуверенная наглость куда-то улетучилась. Лицо в данный момент выражало озадаченность и печаль – раньше я вообще не представляла себе, что это квадратное чудовище способно на чувства и мысли.

Поэтому я честно призналась, что работаю.

– Ты? – продолжал удивляться Кайзер. – Кем это?

– Уборщицей, – ляпнула я, что, впрочем, было не так уж далеко от истины. Если учесть, что в те два дня, которые я провела под патронажем Ларикова, я занималась исключительно уборкой, то у меня есть все основания считать себя уборщицей.

Кайзер успокоился и вальяжно раскинулся в кресле, задрав ноги на стол.

– Значит, Ларек тебя нанял убираться? – спросил он, закуривая.

Так как он постарался направить струю дыма прямо мне в лицо, я поморщилась, отгоняя рукой от себя дым дешевых сигарет.

– Какой еще Ларек? – спросила я, демонстративно раскашлявшись.

– Ну, Лариков.

– Так и изъясняйся, – посоветовала я. – Находишься среди интеллигенции, так будь добр забыть про свои манеры обитателя трущоб.

Он вытаращил на меня свои глаза и пробурчал, что мне надо бы поучиться разговаривать со старшими.

Потом замолк на полуслове и принялся изучать то потолок, то меня.

Я попыталась заняться своими делами, но это было не так-то просто под прицелом его глазок.

– Слышь, Морковка, а я только сейчас понял, какая же ты рыжая! – изрек он с таким видом, как будто на него снизошло озарение свыше.

Я предпочла промолчать, кивнув. Не буду ввязываться в междоусобные войны, бог знает к чему это может привести.

– А зачем тебе, кстати, понадобился Лариков? – не удержалась я от любопытства. – Жена пропала? Или собаку украли?

– Нет.

Лаконичность была обычно не в его стиле. Поэтому я заподозрила, что дело, с которым он пришел, серьезное. Может, он рэкетом занимается?

– Тогда непонятно, что тебе от него нужно, – продолжила я атаку. – Мы тут только пропавших жен разыскиваем. Или в изменах уличаем. Тебе надо кого-то уличить?

– Морковка, отстань, а? Ты ведь уборщица, чего лезешь?

В его голосе прозвучала досада. Ладно, не будем его дальше нервировать. При его крайне сложном характере неизвестно, чем это может для меня обернуться...

И хотя меня просто распирало от желания узнать, что понадобилось лидеру «Ангелов Ада» от моего тихого и приличного босса, я замолчала.

* * *

Ожидали мы Ларикова в гробовом молчании. Кайзер страшно заинтересовался журналом «Лиза» годовой давности. Я, конечно, интересовалась Кайзером, но по мере сил пыталась свой интерес скрыть. Поэтому я бросала взгляды украдкой, как юная воздыхательница, и перекладывала бумаги с одной стороны стола на другую, тщетно пытаясь придать этому бессмысленному занятию важность.

Интересно, как он выдерживает в таком костюме? Я бы, наверное, сейчас уже находилась в реанимации, вздумай я натянуть на себя доспехи под стать рыцарским латам!

– Кайзер, тебе не холодно? – спросила я.

Он поднял на меня глаза и окинул таким взглядом, что я сразу поняла, сколь я пуста, ничемна и глупа, и покачал головой. Рот он так и не открыл, из чего я заключила, что со мной он разговаривать не собирается.

Душа моя просто разрывалась от любопытства, и я решила наступить на горло мелким обидам, и опять начала делать робкие попытки сближения.

– А ты Ларикова хорошо знаешь? – спросила я, надев на личико самую умильную и доброжелательную улыбку.

Она его не тронула!

Он просто посмотрел на меня своими тусклыми глазами и кивнул. Все! То ли у него начались проблемы с речью, то ли я его просто не устраивала в роли собеседницы, но он меня продолжал игнорировать. Вот, уныло подумала я, вот тебе и расплата за то, что однажды ты решила доказать человеку, что он глупее тебя. Теперь будешь до конца дней терзаться мыслью, какое он отношение имеет к твоему боссу. И так и умрешь в неведении...

Впрочем, я решила, что это, как говорит один мой друг, «не есть трагедия», и можно пережить сей факт, хотя мне это с моим любопытством ох как трудно...

Наверное, просиди мы так еще час, я бы начала сходить с ума, но тут дверь хлопнула и на пороге возник вожденный Кайзером Андрей, который при виде его немного нахмурился, но протянул руку.

– Привет. Что случилось?

Кайзер бросил на меня выразительный взгляд, говорящий «а не пошли бы вы, мадемуазель, немного пройтись?», и сказал:

– Это не для посторонних ушей.

– Она не посторонняя, – заступился за меня Лариков.

– Нет, давай поговорим у тебя.

Лариков передернул плечами и открыл дверь маленькой комнаты.

– Пойдем.

Я посмотрела вслед их исчезающим спинам и, поразмыслив, решила, что мне и неинтересно. В конце концов, все люди имеют право на тайны. Мне очень хотелось эти тайны узнать, и я притихла, прислушиваясь к голосам, которые доносились из-за закрытой двери.

Сначала мне еще удавалось почерпнуть хоть что-то из их «конфиденциальной» беседы. Кайзера ужасно беспокоил человек, который якобы угрожал Тарантулу. А потом... Голоса стихли, Кайзер перешел на шепот, а Лариков вдруг, наоборот, закричал:

– Что?

Я напрягла слух.

– Вот это фишка! – озадаченно проговорил Лариков. – Когда?

– Час назад.

Это было последнее, что я услышала. Оставалось только гадать, что же натворил этот самый Тарантул. Конечно, приезжают в наш тихий город всякие там, а потом хлопот не оберешься.

Через несколько минут голоса возобновились.

– Слушай, Володя, зачем тебе я? Есть же оперативники... Почему ты ко мне пришел?

– Ларек, как ты не понимаешь, что это никому особенно не надо! Они не станут искать, им это не нужно!

– А мне?

– Мы заплатим.

– Ага. Я вам поверил на все сто процентов. Просто как самому себе...

– Вот. Задаток.

Кажется, моего босса сломили. Потому что следующую реплику он подал уже не так уверенно:

– Я подумаю. Потом перезвоню.

Они вышли. Я задумчиво оглядела Кайзера, который не скрывал подозрения насчет моей не порядочности и способности к подслушиванию. Во всяком случае, взгляд у него был, как у удава.

Выдержать сей взгляд я смогла, даже улыбнулась.

Кайзер немного постоял, пытаясь просверлить во мне дырку огненным взглядом, потом резко развернулся и вышел.

– Слава богу! – вырвалось у меня. – Терпеть его не могу. Как и всю их компанию напыщенных идиотов!

Лариков посмотрел на меня с нескрываемым интересом и рассмеялся.

– Ого, – проговорил он. – А можно поинтересоваться, почему такая утонченная леди вдруг начала использовать выражения ей несвойственные? Кажется, я переборщила. Я с ужасом поняла, что краснею, и, потупившись, пробурчала, что не такая уж и утонченная, а что касается Кайзера и всей этой компании, – повторяю, напыщенных идиотов, – так для них нормальных слов нет. – Сами на них взгляните. Они же из себя корчат суперлюдей, а сами – простые, как чайники. Впрочем, люди, которые из себя ничего не представляют, именно таким образом себя и ведут.

Лариков смеялся, чем ужасно меня злил. Впрочем, может быть, он из их компании, а я их тут покрываю позором!

– Вы-то откуда этого Кайзера знаете? – рискнула поинтересоваться я.

– Вместе в школе учились, – объяснил он. – В одном классе. Представьте себе, он был отличником по литературе, но мотоциклы интересовали его всегда больше. А так – не такой уж он и плохой парень. Просто сейчас у него неприятности. Ну, а если вы, Сашенька, так хорошо

знаете всю эту компанию, может быть, расскажете мне, как там относились к некоей личности по кличке Тарантул?

* * *

Тарантулу казалось, что вой «Скорой» вонзается в его мозг. Он прекрасно слышал и этот вой, и голоса над ним.

– В беспамятстве, но жив...

Жив? Тарантул не понимал, что произошло. Он силился произнести хоть слово и не мог.

Губы онемели и не желали подчиняться хозяину. Темнота не спешила рассеиваться. «Сейчас ночь?» – хотелось спросить Тарантулу, но боль, появляющаяся каждый раз, когда он пытался сделать малейшее движение, заставляла его отказываться от своих намерений. Боль... О, как она мешала! Первый раз за свою жизнь он испытывал физическую, нестерпимую боль.

Ему хотелось закричать, когда его подняли чьи-то руки. В тот момент боль ворвалась в каждую клетку его организма, заполняя его собой, повергая его в глубины адского отчаяния. Она никогда не кончится, думал он. Никогда-не-кончится...

Он еще какое-то время сопротивлялся, приказывая себе забыть о ней, но она быстро справились с ним, заставляя Тарантула погрузиться сначала в нее, а затем – в беспамятство...

* * *

– Тарантул? – переспросила я. – Да у него врагов полно! У такой-то личности, да не будет врагов...

Лариков странно улыбнулся – как будто я подтверждала его собственные мысли, и сказал:

– Вам, Саша, пора начинать работу. Раз уж вы вхожи в эти круги, наверное, именно вам будет легче попытаться понять, кому было нужно убить Тарантула...

– Что? – От удивления я чуть не вскочила, рискуя опрокинуть стул. – Тарантула убили?

– Нет, но пытались. Сам он сейчас находится не в том состоянии, чтобы пролить свет на происшедшее. Когда Кайзер уходил, там ждали «Скорую». Стрелка поймать не удалось. Толпа рассеялась быстрее, чем «Ангелы» успели среагировать. Впрочем, те немногие, кто остались, смогут рассказать хоть что-то, будем надеяться...

При этих словах он так тяжело вздохнул, что я сразу догадалась, что верится ему в это с огромным трудом.

– Для начала давай перейдем на «ты», – предложила я. – Раз уж мы с тобой напарники. Ты не против? А то, когда ты называешь меня на «вы», мне хочется и плакать, и смеяться.

Он улыбнулся.

– Согласен. А как же мы сделаем это без брудершафта?

– Если тебе это необходимо, пожалуйста. Только я буду пить лимонад. Из горячительных напитков я пью только кофе.

– Интересно, почему? – спросил он.

– Я просто привыкла беречь мозги. Алкоголь их сушит. А мне приходится постоянно думать. Попробуй разберись в старофранцузском в алкогольном опьянении...

– Честно говоря, у меня бы это и на трезвую голову не получилось! – рассмеялся он. – Кстати, о французском... Прочти мне несколько строчек в переводе из поэзии Франсуа Вийона. Я прикрыла глаза и прочла первое, что мне пришло в голову:

– Скажи, в каких краях они,
Таис, Алкида – утешенье
Мужей, блиставших в оны дни?...

Ах, как же я сразу не поняла, что мое подсознание выдало мне подсказку! Но в тот момент, когда я дочитала все стихотворение и Лариков, слушавший меня внимательно, выдохнул: «Боже, как красиво», мы оба еще не поняли, что помимо красоты звучания мой дружок, мой «вредный Фред» по имени Франсуа Вийон, уже попытался помочь мне, подсказывая дорогу!

Но я забегаю вперед. Тогда я еще не умела читать между строк и еще не знала, как часто он будет помогать мне.

Меня куда больше волновало первое дело, которое мне доверили. И – куда больше беспокоила личность Тарантула...

* * *

Собственно, что я о нем знала? Только то, что он, подобно свинье, искал любую лужу грязи, дабы там поплескаться вволю. Его друзьями были фашисты, сатанисты, какие-то темные личности с криминальным прошлым – как будто в тени их преступлений он сам мерк. Или – пытался забыть что-то, что мучило его? Обычно нас больше всего преследуют тени из нашего прошлого, призраки, которым мы причинили боль... Но, на мой взгляд, Тарантул относился к тому разряду людей, которые не мучаются угрызениями совести. Впрочем, иногда люди склонны казаться хуже, чем они есть...

Задав себе вопрос, почему мне не нравился Тарантул, я быстро выстроила логический ряд. Начинался он с его маленьких, но выпученных глазок. Собственно, не самих этих бесцветных буравчиков, а какой-то немислимой похоти, с трудом в них помещавшейся. Еще меня раздражали его толстые пальцы и манера чистить нос в присутствии дам. Но все это – внешние раздражители. А что же из внутренней сути мешало мне воспринимать Тарантула?

Подумав, я решила, что это прежде всего его песни. Они воспевали зло, насилие, кровь. Утверждали тот убогий взгляд на нищезанство, который мне казался просто недоделанным. Мне иногда вообще становится искренне жаль беднягу Фридриха, потому что его взяли да и причислили к философам.

Стоп, Александрина. А не является ли и Тарантул маской некоего Кретова Саши, у которого не сложились отношения с окружающим миром? И вот он пытается спрятать свое раннее «я» под личиной уродца, неспособного на добро. Может быть, Тарантул – просто плод воображения Кретова, его попытка закрыться от окружающего мира?

Конечно, было глупо домысливать то, к чему у тебя пока не было никаких оснований. Лариков как раз отправился добывать сведения о прошлом Тарантула у Кайзера и компании, а я должна его дожидаться, дабы потом опросить свидетелей.

Сердце мое колотилось от радости. Я уже представляла себе новую звезду частного сыска по имени Александра Данич – грозу преступников! Потешив свое тщеславие всевозможными картинками, я даже помурлыкала от удовольствия. Потом я перевоплотилась в мисс Марпл, но этот образ почему-то мне не очень понравился.

Оторвавшись от мечтаний, я посмотрела на часы. Лариков что-то очень долго выяснял обстоятельства прошлой жизни Тарантула, поскольку отсутствовал уже третий час.

Моя натура еще не приучилась к терпеливому ожиданию, столь необходимому для детектива, и я начала потихоньку нервничать.

Ожидание мое затягивалось...

Впрочем, почему бы мне самой не попытаться что-то выяснить? Я вспомнила про свою давнюю знакомую, которая должна была наверняка знать про Тарантула немало. Во всяком случае, раньше Ирина Тропинина была в рок-тусовке! Значит, встречалась и с Тарантулом. А с Ириной у меня были неплохие отношения.

Поэтому я набрала ее номер телефона.

* * *

По счастью, Ирина оказалась дома. Впрочем, род ее занятий – Ирина была художницей – располагал к пребыванию дома. Мастерской ей служила собственная комната, да Ирина и не протестовала, поскольку «дома и стены помогают».

Трубку она подняла сразу.

– Сашка! – обрадовалась она. – Как поживаешь? Работу нашла?

Изложив ей вкратце все, что со мной произошло, я перешла к делу и спросила насчет Тарантула.

– Сашка Кретов? А почему он тебя интересует?

– Видишь ли, Ирина, его пытались убить...

Она замолчала. Кажется, я слишком ретиво начала расследование, тоскливо подумала я.

– Убить? – переспросила она.

– Да, – вздохнула я.

– О Господи... Кошмар какой!

Ирина, похоже, была близка к слезам. Надо же, я нечаянно попала на человека, испытывающего к Тарантулу симпатию? А я от утонченной Ирины этого и не ожидала, признаться...

– Ты хорошо его знаешь? – поинтересовалась я.

– Да. Хорошо.

Меня раздирало любопытство, что могло их связывать. Но я боялась допустить оплошность. Поэтому предпочитала дать Ирине возможность самой сказать, сколь близким было их знакомство.

– Мы были женаты.

Я потеряла от удивления дар речи. Этого я даже помыслить не могла, ей-богу! Ирина – и Тарантул?!

– Если хочешь поговорить – приезжай, – предложила Ирина. – Потому что Тарантул – не та личность, обсуждать которую можно по телефону.

– Сейчас, только дождусь Ларчика, – пообещала я. – Ты будешь дома весь вечер?

– Да.

Мы договорились, что я подъеду около восьми. Я повесила трубку и посмотрела на томик Вийона, лежащий передо мной...

– «Скажи, в каких краях они...» – пробормотала я первую строчку «Баллады о дамах былых времен».

И опять не поняла этой маленькой подсказки.

* * *

– «А наутро выпал снег после долгого огня, этот снег убил меня, погасил короткий век»...

Пенс слушал Шевчука и подпевал ему тихонько, изо всех сил пытаясь сдерживаться. Боль и страх – как это надоело Пенсу, кто бы знал!

Он вспоминал, как было хорошо раньше, пока эта чертова боль и этот чертов страх не появились на пороге и не проникли в его, Пенсову, жизнь.

С кухни доносилось звяканье посуды. Все так привычно и так страшно именно из-за этой привычности.

Утром он смотрел в глаза Хозяина, и это было так же, как смотреть в глаза собственной смерти. Почему-то сейчас Пенс был на все сто процентов уверен, что из этой патовой ситуации ему нипочем не выбраться. Сашка наивная девчонка, если думает, что ей удастся.

– «Погасил короткий век», – усмехнулся Пенс, потому что нисколько не сомневался, что его век будет погашен. Даже если продать «Судзуки», все равно он не сможет набрать денег.

Оставался один выход – самому выйти навстречу смерти и принять ее удар.

Возможно, так ему удастся спасти мать, Сашку и всех, кто оказался благодаря Пенсу втянутым в эту грязную историю.

Он сидел, сцепив пальцы рук, и раскачивался, пытаясь сдержать рвущийся стон. О, как ему не хотелось уходить.

В дверь позвонили. Мать показалась на пороге, растерянная и недоуменная.

– Сережа, к тебе пришли, – сказала она, тревожно оглядываясь через плечо, и шепотом добавила: – Из милиции...

В ее глазах была смесь страха, упрека и недоумения, и все это было невыносимо. Пенсу хотелось закричать.

– Из милиции? – переспросил он, пытаясь понять, что им от него нужно.

Она кивнула.

На пороге, за ее спиной, возникла квадратная фигура милиционера.

– Зинченко Сергей Николаевич? – поинтересовался он, оглядывая Пенса с ног до головы таким взглядом, что Пенсу, несмотря на жару, стало холодно.

– Да, – пересохшими от волнения губами пробормотал Пенс.

– Что вы делали сегодня перед зданием радиостанции? – спросил мент, продолжая сверлить Пенса своим взглядом.

Черт возьми... Откуда он узнал?

– Ничего... То есть, я оказался там случайно. Хотел посмотреть на Тарантула.

– И так посмотрели, что Тарантул теперь в реанимации? – усмехнулся милиционер.

У Пенса все внутри оборвалось.

– И есть подозрение, что вам его смерть была ох как нужна. По крайней мере, вы в числе подозреваемых.

Пенс почувствовал, как вокруг него мир начинает вертеться в дьявольской пляске и остановить этот безумный танец он никогда уже не сможет.

– Только этого мне и не хватало, – пробормотал он и поморщился. Ситуация была до отвращения смешной. Нет, это же надо – мало было печали, так «Ангелы Ада» еще накачали?

Почему-то Пенсу стало все равно. Хуже того – на него напал приступ хохота. Он стоял, смотрел на ошалевшего милиционера – и смеялся. Так смеялся, что ему самому было страшно.

Глава 5

Вернувшийся Ларчик своим видом напомнил мне охотничью собаку, взявшую след.

– Ну? – встретила я его нетерпеливым вопросом. – Что удалось узнать о нашей жертве?

– Нашей? – удивленно переспросил Ларчик. – Почему – нашей?

– Раз мы взяли на себя Тарантула, то в некотором роде он становится нашим, разве нет?

– Ах, вот ты о чем... А я думал, что ты имеешь отношение к этому зверскому нападению.

– Не имею, увы, – развела я руками. – Хотя, если честно, зверством я его не считаю. Так что он за личность, помимо того, что возбуждает к себе этакую неприязнь не только у меня?

– Ладно, – решился Ларчик. – Кретов Александр Иванович, тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения.

– О боже. Какой-то престарелый и замшелый тип, – вздохнула я. – А я-то никак не могла взять в толк, почему при его виде у меня не возникает ничего, кроме жалости и иронии. Чего мы тогда расследуем? Все равно ему уже столько лет, что хочется плакать от неожиданной встречи с вечностью!

– Саша, – назидательно молвил Ларчик. – Я иногда начинаю подозревать тебя в полнейшей несерьезности.

– Чего подозревать? – обнаглела я. – Я когда-нибудь вела себя серьезно?

– Нет, но я-то считал, что раз ты у нас спец по старофранцузскому...

– Ох...

Я рассмеялась.

– Ларчик, неужели ты и вправду считаешь, что нормальный человек станет этим заниматься? Это во-первых. А во-вторых, пожалуйста, пристрели меня, если поймешь, что я стала серьезной и скучной, ладно?

Только после того, как я произнесла это, я вдруг с ужасом осознала, что назвала его по сразу утвердившейся в моем сознании кличке. Он интеллигентно промолчал, кашлянув, а я почувствовала, что мои щеки заливают горячая волна. Кажется, я сейчас стану пунцовой, с тревогой подумала я. Интересно, пойдет моим рыжим волосам пунцовый цвет?

– Извини, – пробормотала я.

– За что? – сделал он удивленные глаза.

– За Ларчика.

– Саша, милая. Ты же не назвала меня Ларьком. А Ларчик – довольно мило звучит. Можешь называть меня так и дальше.

– В ответ на этакую любезность позволяю тебе именовать меня Морковкой.

– Как? – переспросил он.

– Морковкой, – повторила я, окончательно окрасившись в багровый цвет.

Он окинул меня долгим взглядом и вдруг начал смеяться. Конечно, уныло подумала я, если учесть, что я вся сейчас такого красного цвета, то «Морковка» подходит мне как нельзя лучше.

– Хорошее название. «ЛМ». Ларек и Морковка. Детективное агентство.

Да уж, согласилась я. Ничего себе детективы...

– Если честно, мне не очень нравится, когда меня зовут Морковкой посторонние люди, – пробурчала я. – Это позволительно лишь для избранного круга близких мне лиц.

– Так я тоже не в восторге, когда меня именуют Ларьком, – хмыкнул он.

– Тогда зачем нам обнародовать наши подпольные клички? – поинтересовалась я.

– А мы и не будем, – пообещал он. – Пусть голову ломают, почему мы «ЛМ». Может, мы очень любим эти сигареты.

– Я люблю «Монте-Карло», – сообщила я. – А я вообще не курю, но это неважно. Так давай вернемся к Тарантулу. Выяснить мне удалось пока не много. Тарантулу сорок два года. У него медицинское образование. До тридцати лет он подвизался в качестве анестезиолога в одной из местных больниц. Потом он уволился и уехал в столицу, якобы учиться во ВГИКе.

– Ого, – присвистнула я. – Какие перепады давления...

– Если ты думаешь, что ему захотелось стать режиссером или актером, то заблуждаешься. Он решил стать кинооператором.

– Ужас какой, – протянула я.

– Во ВГИКе он провел четыре года, потом оказался в рок-лаборатории. Как раз вошли в моду рок-клубы, и он оказался на гребне популярности. Затем он поскандалил с прежним составом группы, в которой пел, и быстренько организовал свою. Кстати, его мать руководила тогда отделом культуры в горкоме... Надо поговорить с ней, она живет в Тарасове. Есть еще его первая жена. Ирина Тропинина.

– С ней уже договорилась встретиться я.

Он посмотрел на меня немного удивленно.

– Ты?

– Я ее неплохо знаю.

– Ладно, – согласился он. – Помимо этого у Тарантула, оказывается, были неприятности с милицией. Собственно, именно оттуда я и почерпнул всю информацию. Относятся к нему очень настороженно. Но напрямую мне ничего не сказали – просто был под подозрением по поводу некоторых несчастных случаев. Бывший следователь, который вел те дела, до сих пор думает, что несчастными эти случаи не были. Тарантул показался ему немного сдвинутым на собственном «эго». Он бы рекомендовал ему пройти лечение в психдиспансере. Но у Тарантула всю жизнь были крутые покровители.

Так вот, когда этот следователь по имени Игорь узнал, что Тарантула пытались убить, он выдал фразу: «Ничего удивительного». И сказал мне, что по меньшей мере пять человек могли это сделать, и он даже не стал бы их задерживать. Думаю, с Игорем нам придется поговорить еще раз. Он сказал, что не откроет мне все карты по одной простой причине – ему куда более симпатичны эти люди, чем Тарантул. Так что, моя девочка, придется тебе с ним поговорить. Может быть, с тобой он будет более откровенен.

Он протянул мне листок бумаги с координатами Игоря Артемова.

– Подожди, – подняла я на него глаза. – С чего это на него нападет такая откровенность при виде меня?

– Потому что, Саша, ты обаятельная. И на тебе нет того ментовского налета, от которого трудно избавиться мне – я ведь в прокуратуре проработал долго. Игорь ушел из милиции, личность весьма загадочная и интересная. Так что дерзай.

Я сдержалась, хотя мне очень хотелось заорать от восторга, как малолетке. Потому что мне доверяли и моя работа начиналась. Правда, хотя умом я понимала, что Ларчик просто выбирает для меня наиболее, по его мнению, безопасные места, я все-таки тешила свое самолюбие мыслями о собственной полезности.

* * *

Через двадцать минут я уже подходила к высокому дому, в котором жила Ирка Тропинина. Предвкушая встречу, я была вынуждена признать, что в данный момент использую служебное положение на всю катушку, совмещая весьма успешно приятное с полезным. Ирку я очень любила – общаться с ней было приятно, не надо было напяливать маску. Ирка была из той же породы, что и я. Тем более странным мне казалось присутствие в ее жизни этого монстра, о котором, кстати, сама Ирка предпочитала до последнего времени скромно умалчивать.

Ирка открыла мне дверь – все такая же худенькая, высокая, с бледным, но таким прелестным личиком, с густыми, пепельными волосами, собранными сзади в пучок.

– Привет, принцесса! – улыбнулась она.

Ирка была старше меня лет на пять и позволяла иногда некоторую снисходительность тона, которая выглядела у нее так естественно, что мне и в голову не приходило обижаться.

– Ты подросла и похорошела, – сказала я довольно дерзко. Ирка рассмеялась и пробормотала:

– А ты все такая же.

Мы прошли в ее комнату-мастерскую. Она была такая маленькая и так заставлена работами Ирки, что было странно, как мы обе там помещаемся.

– Кофе? – поинтересовалась Ирка. Я кивнула.

Прямо на меня смотрело лицо, нарисованное тонкими линиями пера. Грустно опущенные уголки губ заставляли всмотреться в глаза. Там плескалось море боли. Неужели у Ирки бывают такие состояния? Мне она всю жизнь казалась человеком очень спокойным и радостным.

Но не знала же я, что ее жизнь в какой-то период была тесно связана с Тарантулом!

– Все так же сходишь с ума по Вийону? – поинтересовалась Ирка, разливая кофе по изящным турецким чашечкам.

– Первое чувство, – вздохнула я. – Оно, как мы вынесли из лучших образцов мировой литературы, самое крепкое. Единственное, что меня утешает – это то, что однажды я войду в тот же светящийся поток, в который когда-то шагнул мой Франсуа, и мы непременно растаем там вместе.

– Он уже давно растаял там без тебя.

– Ну нет. Он меня ждет.

– Ну-ну, – как-то не очень поверила мне Ирка. Видимо, ее вера в вечную любовь уже подверглась тлению.

Я не знала, как мне начать свои расспросы. Интуитивно я понимала, что вспоминать о Тарантуле Ирке довольно неприятно. Но она меня опередила:

– Так что с Тарантулом и почему он тебя так заинтересовал?

– Дело в том, что я теперь работаю детективом, – скромно призналась я, размышляя, насколько это точно соответствует истине. Ирка удивленно посмотрела на меня и улыбнулась.

– Ты?

– Да, – потупилась я. – А Тарантула пытались убить. Но... – поспешила я ее успокоить, – он жив-здоров. Ну, не совсем здоров, поскольку сейчас он в реанимации, насколько мне известно. Но, думаю, все обойдется. Он будет жить.

Она некоторое время молчала, тупо уставившись в печальное лицо, которое раньше изучала я.

– Ирина, – дотронулась я осторожно до ее руки. – Все будет хорошо, вот увидишь...

Она обернулась ко мне и неожиданно зло сказала:

– Слушай, Сашка, что я тебе скажу. Какая жалость, что его не убили. Какая жалость!

* * *

Он сидел, разглядывая руки. Сегодня у него ничего не получилось. Он не смог. Почему дрогнула его рука? Что с ним произошло? Какие воспоминания хлынули бессвязным и ненужным потоком в его сознание, мешая ему выполнить долг?

Или это обрюзгшее тело, способное вызывать лишь отвращение, каким-то непостижимым чудом вызвало в нем жалость?

Ответ искать было бесполезно. Ответ был один – его рука дрогнула.

Вскочив, он закружил по комнате, в бессмысленных движениях пытаясь снова и снова набраться сил и выдержки. Как будто воздух был способен зарядить его мускулы. Как будто воздух мог вернуть его разуму холод и расчетливость стрелка.

– Ты – стрелок, – горько прошептал он. – Не смей забывать об этом!

Его красивое лицо напоминало сейчас маску комедии дель арте. Обезумевший от горя Арлекин...

Раньше он умел писать стихи. Но все это было раньше. Так давно...

– Что куда больше похоже на неправду, чем тебе это кажется. Сейчас в красном закате тебе мерещится пролитая кровь. И если ты начнешь писать, у тебя получится только реквием.

Он сжал пальцами ставший непослушным револьвер.

И снова пытался внушить себе, что он – только стрелок. Не больше.

* * *

После такого Иркиного откровения я испытала к Тарантулу нечто подобное жалости. Нельзя же так откровенно желать человеку смерти!

Ирина это поняла и, посмотрев прямо мне в глаза, произнесла:

– Если кто-то в этом мире и заслужил смерть, так именно он, Сашка! Это был самый настоящий вампир. Он лишал тебя всего – веры, любви, надежды. Заставлял стать на колени. Даже в сексе требовалось полное подчинение его желаниям. А желания были такие, что не могу тебе пересказать – боюсь, что твои уши завянут. Когда мне удалось с ним разойтись – а это было похоже на чудо, потому что Тарантул весьма неодобрительно относился к тому, что «его собственность» не желала больше находиться с ним рядом, я была похожа на сомнамбулу. Мне пришлось заново учиться дышать и жить, как ребенку, перенесшему полиомиелит, приходится учиться ходить. Заново.

– Ирина, но почему ты вышла за него?

– Потому что он казался мне необыкновенным, – призналась она. – В тот момент, когда мы познакомились, я была семнадцатилетней идиоткой. Он был интеллектуалом. Цитировал мне Германа Гессе, сравнивая себя со Степным Волком. Ах, как тогда мне все это казалось замечательным! Вокруг меня были такие серые личности – и Сашка! Поэтому я выскочила замуж сразу, как только он мне это предложил. За что потом расплачивалась в течение долгих двух лет. Так что давай не будем изображать на лицах лицемерную боль – ее нет.

– Поняла, – вздохнула я. – Хотя теперь ты попадаешь под подозрение. Надо придумать тебе алиби.

– На всякий случай придумай алиби и для того человека, который хотел освободить от него мир, – улыбнулась она. – Дело в том, что человечество только выиграет от его смерти. Можешь мне поверить...

– Ирина, а у него было много врагов? – спросила я.

– Конечно, – улыбнулась она. – Как у всякого монстра. Причем могу тебя предупредить, что врагами у него были люди приличные.

– Какая жалость, – проговорила я.

– Вот поэтому я и советую тебе не очень напрягаться с поисками.

– То есть ты мне в этом не помощница? – без особенного труда поняла я намек.

– Да. Я могу рассказать тебе многое о Тарантуле, но утаю имена тех, кто мог желать его смерти.

Слава богу, что честно призналась!

И как можно работать в таких условиях?

* * *

Тарантул все еще плавал в черном пространстве, где вокруг него в этом вакууме мелькали странные образы, рожденные его подсознанием.

Все было наполнено болью и чем-то еще, чему Тарантул никак не мог дать определения, но что тоже напоминало ему боль, правда, несколько иного рода.

Если бы он был другим, он нашел бы название, смог бы понять, что это такое. Хотя бы позволил себе войти внутрь этого нового состояния, привыкнуть к нему, осознать, и тогда ему стало бы легче.

Но его переполняла злоба, и злоба мешала ему. Она мешала войти в новый мир, мешала выбраться из оглушающей тоски. Он начинал ненавидеть собственную злость, но справиться с ней не мог.

Первый раз он плакал от бессилия.

Сквозь странную пелену, напоминающую тяжелый туман, до него доносились плохо различимые голоса. Прислушиваться к ним было почему-то больно, но он цеплялся за них, понимая, что только так он сможет выбраться.

– Посмотри, он плачет...

Да помогите же мне, пытался прокричать он.

– Да, плачет. Остаточные рефлексy. Он не жилец. Да если и выживет – кому эта развалина будет нужна?

Где он это слышал? Он ведь уже слышал эти слова. Или подобные. Кому было это сказано? И кем? Когда?

Он почему-то был уверен, что в его теперешнем состоянии именно эти, безжалостные, сейчас казавшиеся ему такими безнравственными, слова сыграли немаловажную роль.

– Ну, вытащить его надо попробовать. А что с этим толстым уродом будет дальше, не наше дело...

Я не урод, хотелось выкрикнуть ему. И не развалина! Я выживу и отомщу вам!

И все-таки – когда-то кто-то уже это говорил. Кто? Кому?

«Ты и говорил, – вдруг ясно произнес чей-то спокойный и холодный голос. – Именно ты это говорил. Вспомни».

* * *

Домой я возвращалась совершенно озадаченная. Первый раз я разгадывала тайну, а все старались вставить мне палки в колеса. Да и сама я, признаться, не горела особым желанием отыскать того, кто пытался избавить мир от Тарантула. Конечно, это неправильно, но если Тарантул сделал когда-то много плохого? Судя по рассказам Ларчика и Ирины, Тарантул именно так и поступал с людьми. Вот сам и нарвался.

Проходя мимо Пенсова дома, я задрала голову, убедилась, что в его окнах темно, а следовательно, заходить к нему незачем, я вздохнула и направила свои уставшие стопы в собственное жилище.

Мама не спала.

– Ну, и как работка? – поинтересовалась она.

– Утверждаюсь, – сообщила я. – Пытаюсь стать незаменимой в борьбе с преступностью.

– Пенса твоего арестовали, – сообщила мама.

Я застыла на месте. Ничего себе – заявочка! И она при этом так спокойна?

– Как – арестовали? – переспросила я. Да этого быть не может! Что это за шутки?

– Галя звонила. По подозрению в покушении на убийство какого-то типа. По фамилии то ли Кротов, то ли Крестов.

– Кретов, – поправила я чисто механически, и, только когда моя мать кивнула, до меня дошел весь ужас Пенсова положения. – Тарантула? – прокричала я, придя в себя.

– Уж не знаю, что у вас за манера обзывать людей кличками, – поморщилась мама, – но только Сережку забрали в КПЗ. Говорят, что у него были все основания желать его смерти. Да и револьвер у него нашли... Как раз такой, каким был ранен этот ваш Тарантул.

Я потеряла виски ладонями. Откуда-то явилась нестерпимая боль, и я почувствовала себя скотиной. Как я могла бросить Пенсика в такую минуту?

Я бросилась к телефону и набрала номер Ларчика.

– Андрей, – проговорила я, пытаюсь привести в порядок дыхание, как только услышала его спокойный голос. – Случилась беда, Андрей. Моего Пенса арестовали по подозрению в убийстве этого мерзкого Тарантула.

Он какое-то время молчал. Потом сказал:

– Сашенька, успокойся.

– Да я не могу! – прокричала я. – Я стараюсь успокоиться, но не могу! Ты же знаешь, как там, в КПЗ. Пенс загнется, вот увидишь!

– Так, – решительно произнес он. – Ты сейчас сидишь спокойно дома, пьешь валерьянку. У тебя есть?

– Сам пей свою валерьянку, – огрызнулась я. – Я от нее только плакать начинаю.

– Тогда выпей водки, – логично посоветовал мой босс. – В общем, выпей что-нибудь. Я сейчас попробую тебе помочь. Возможно даже, смогу подъехать. Главное, успокойся. Ничего страшного еще не случилось. Если, конечно, твой Пенс и правда не пытался его убить!

– Пенс не мог, – уверенно отпарировала я. – Я его знаю с младенчества.

– Мало ли какие причины могли у него быть... – сомневаясь, протянул Андрей.

Я всхлипнула, но постаралась удержать потоки слез. В конце концов, Данич, именно в твоих руках судьба Пенса. Найдешь настоящего убийцу, теперь и повод для поисков родился. Сам собой.

Кажется, эта мысль меня немного успокоила. Я повесила трубку и прошла в свою комнату.

Включив магнитофон, я села на краешек кровати и, чтобы окончательно привести в норму расшатавшиеся нервы, начала тихонько декламировать:

– Принц, красота живет мгновенье.

Увы, таков судьбы закон!

Звучит рефреном сожаленье:

Но где снега былых времен?

Спокойная мудрость, грусть и мерный ритм стихотворения заставили меня окончательно успокоиться. Моцарт, звучащий из усилителя, помог мне прийти в себя. Теперь мои мысли текли ровно, и я уже почти знала, как мне помочь моему бедному другу детства, умудрившемуся попасть в этакий переплет.

* * *

Он почувствовал, что тьма вокруг него рассеивается. Приятное женское лицо появилось перед ним, и, хотя туман еще не окончательно отступил и очертания этого лица были немного размытыми, у Тарантула почему-то родилось ощущение, что он уже где-то видел эту женщину. Правда, вспомнить где, он не мог.

Она смотрела на него очень пристально. В ее серых глазах не было никаких эмоций, взгляд был холоден.

Радость переполняла его – он вернулся из темных глубин смерти, и ему хотелось поделиться этой радостью с ней, казавшейся ему невыразимо прекрасной.

– Я вернулся, – пробормотал он.

Она кивнула. Ни тени улыбки не появилось в ее глазах.

– Зачем? – тихо спросила она. – Теперь вы будете обузой для окружающих. Вы все равно никогда не сможете жить полноценной жизнью. Будете вспоминать, что могли умереть и не захотели тогда. Но будет уже поздно. Хотите, я расскажу вам, как живут люди, у которых прострелено легкое? Вас ждет операция, после которой вы никогда не сможете дышать полной грудью. У вас есть родные? Жизнь вашей жены превратится в кошмар. Она будет вас ненавидеть. Вы этого хотите?

Он чувствовал, что эти слова хлещут его по щекам, как розги. Ему показалось, что он сам когда-то говорил это, внутренне радуясь причиненной тогда боли, но сейчас он сам испытывал боль.

– Зачем вы это говорите? – пробормотал он. – Мне больно... Мне невыносимо больно!

Она ничего не ответила. Только улыбнулась одними губами, испытывая странное удовлетворение от причиненных ему страданий – он был готов поклясться, что уловил это!

– Кто вы? – прохрипел он, пытаясь все-таки понять, где он ее видел.

Он видел когда-то это классически правильное лицо, и ему казалось, что очень важно вспомнить – где именно, как если бы от этого зависело его будущее. Будет он жить или...

Ее лицо склонилось к нему так близко, что он видел немного расширившиеся зрачки ее темных глаз.

– Знаешь, как тяжело осознавать, что ты гниешь изнутри? – прошептала она, смотря на него взглядом, который казался ему нежным, если бы не этот зловещий шепот...

– Что вы хотите? – прохрипел он, потому что воздуха в легких почти не было.

– Да ничего, – передернула она плечом. – Совершенно ничего. Просто хочу, чтобы ты знал, что тебя ожидает. Это мой врачебный долг.

И эти слова показались ему до странной жути знакомыми. Как если бы...

– Стойте! – прошептал он, не сводя с ее лица взгляда. – Где я мог вас видеть?

Как если бы Тарантул когда-то произносил эти слова. Но – когда? Кому? Почему это важно? И какое отношение ко всему происходящему сейчас с ним имеет эта женщина?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.